

Последний сегун

Автор:

[Рётаро Сиба](#)

Последний сегун

Рётаро Сиба

Известный японский писатель Сиба (1923–1996) пытается воссоздать на фоне драматических событий 2-й половины XIX века психологический портрет Ёсинобу (1837–1913), пятнадцатого военного правителя из рода Токугава. Политическая изоляция, приверженность традициям и необходимость перемен привели Японию к гражданской войне. В руках сёгуна сосредоточилась вся полнота власти. Но Ёсинобу добровольно передал свои полномочия семнадцатилетнему императору...

Рётаро Сиба

Последний сёгун

I. Высокие надежды

Иногда судьба человека напоминает роман, через который красной нитью проходит определенная тема.

В первой половине своей жизни Ёсинобу Токугаве, пятнадцатому и последнему сёгуну[1 - Сёгун – сокращение от «сэйи тайсёгун», «великий полководец, покоритель варваров» (яп.) – с 1192 года звание военных правителей Японии из феодальных кланов Минамото (1192–1333), Асикага (1335 0 1573) и Токугава

(1603–1867). Сёгунам принадлежала фактическая власть над страной, в то время как императору отводилась чисто «декоративная» функция.]Японии, суждено было воплотить в себе надежды и чаяния нации, а также ее страхи. Мало кому за всю историю человечества выпадала подобная роль. Это и стало красной нитью его судьбы.

Ёсинобу не принадлежал к семье сёгуна по рождению. Появился на свет он в клане Мито – одном из «трех знатных домов» (госанкэ) правящего рода Токугава, наряду с Кии из Вакаямы и Овари, чьи владения располагались на территории современной префектуры Айти. Ни высоким жалованьем, ни авторитетом самураи Мито, проживавшие на землях современной префектуры Ибараки, похвастаться не могли. Даже наоборот: из трех вышеперечисленных домов Мито считался самым бедным и незначительным. Выходцы из остальных были вправе рассчитывать на положение старшего советника государства, но Мито никогда не поднимались выше тюнагонов – советников среднего ранга. Сыновьям Кии и Овари предоставлялся шанс занять место сёгуна в случае, если тот не произведет на свет наследника, а сыновьям Мито – нет. Таким образом, дискриминация была налицо.

И все же в одном Мито обошли других. Закон обязывал всех даймё[2 - Даймё – владетельные князья (яп.)]содержать дома в административной столице Эдо[3 - В Эдо находилась ставка всех сёгунов из рода Токугава.] (современный Токио), но только князь Мито был свободен от повинности санкинкотай – ему не приходилось проводить попеременно год в Эдо и год в своих владениях, оставляя жен и детей при дворе сёгуна в качестве заложников. Поскольку лишь глава семейства Мито постоянно находился при военном правителе, его стали неофициально называть дайри-сёгун – «заместитель сёгуна». Со времен знаменитого Комона Мито[4 - Комон Мито – прозвище Мицукуни Токугавы (1628 = 1700), второго главы самурайского дома Мито и основателя школы изучения национальной науки.] жители Эдо даровали этот титул князьям Мито в знак почтения. Формально подобной должности не существовало, однако на эту деталь бакуфу[5 - Бакуфу – «полевая ставка» (яп.) – то же, что сёгунат, военное правительство, возглавляемое сёгуном.]милостиво закрывало глаза, принимая во внимание высокородство выходцев из Мито.

Вот в этой семье и родился Ёсинобу, или Кэйки – имя, под которым его знали до восшествия на пост сёгуна и которым мы будем пока называть его.

Отец Кэйки, Нариаки Токугава, даймё Мито, был кумиром «людей высокой цели» – патриотов, чьи политические пристрастия находились на стороне императора. Они были враждебно настроены по отношению к сёгунату, поскольку считали, что последний незаконно узурпировал власть над страной. Старейшина Мито, как называли Нариаки, являлся ревностным сторонником мер по выдворению иностранцев из Японии, возвышению Небесного государя[б - Небесный государь (тэнно) – обозначение японских императоров, указывающее на божественное происхождение императорского рода.] и великих даймё. Его единомышленники верили, что, пока жив Нариаки, есть возможность положить конец вторжениям ненавистных варваров и тем самым спасти Японию. Режим Токугава запретил какие бы то ни было связи с иноземными державами; это было время, когда Япония находилась в полной самоизоляции и контакты с внешним миром сводились к минимуму. Однако постепенно интернациональный прессинг становился все сильнее, иноземные военные суда постоянно курсировали у берегов Японских островов, требуя открыть порты и начать торговлю с зарубежными странами. Возмущенные столь непочтительным отношением к Японии, напуганные превосходящими военными силами Запада и все же полные решимости любой ценой уберечь родину от посягательств иноземцев, «люди высокой цели» боготворили Нариаки. И все же это непомерное почитание было не чем иным, как иллюзией, рожденной безумным временем.

Нариаки Токугава обладал весьма скромными возможностями в плане влияния на внутреннюю политику, но дерзости и самоуверенности ему было не занимать, к тому же он сумел сплотить вокруг себя необычайно мудрых советников во главе с выдающимся представителем конфуцианской школы Токо Фудзитой. Клан Мито также стоял у истоков Митогаку – школы изучения национальной истории, основанной в конце XVII века и сформулировавшей главный лозунг кампании по закрытию страны в эру Токугава – «Сонно дзёи» («Чти императора, изгони варваров»). Сам Нариаки, мнивший себя настоящим дайри-сёгуном, был завсегдаем Эдоского замка и всякий раз вступал под его своды с гордостью и достоинством. Ничего удивительного, что в глазах «людей высокой цели» он стал настоящим героем.

В личной жизни Нариаки был отъявленным ловеласом. Он даже позволил себе проникнуть в Ооку («святая святых») – внутренние покои Эдоского замка, в которых обитали исключительно дамы, находящиеся в услужении у сёгуна, – и сделал попытку прочно обосноваться там. В результате влиятельные женщины Ооку начали презирать князя Мито. Отсутствие поддержки с их стороны негативно повлияло на его политическую карьеру. И все же надо отметить, что это неистребимое волокитство принесло определенные плоды: Нариаки стал

отцом двадцати одного сына, из которых двенадцать дожили до совершеннолетия, а также шести дочерей. Его многочисленное потомство принесло клану Мито немало благ.

Жена Нариаки родилась в Киото. Это была женщина императорских кровей, из семейства принца Арисугавы, приемного сына императора Нинко, и в девичестве носила имя Томиномия Ёсико. Император Нинко дал свое согласие на этот брак сразу же, соизволив заметить:

– Князя Мито – из военной знати, но вот уже многие поколения они преданно служат Хризантемовому престолу.[7 - Шестнадцатилепестковая хризантема – герб японского императорского дома.] Это идеальный вариант.

Принцессу Томиномия высоко ценили во дворце за ум и красоту, слухи о ней дошли и до Мито. Впоследствии Нариаки был предан жене и часто повторял: «Красота увядает, а ум ничем не заменишь. Надеюсь, она подарит мне прекрасного сына».

В скором времени так и случилось – у них родился мальчик. На тот момент у Нариаки уже был сын от наложницы, но конечно же наследником и следующим даймё Мито становился ребенок от официального брака. Это был Цурутиё, или Ёсиацу, десятый глава дома Мито, человек с мягкими чертами лица и манерами киотоского аристократа. Он был начисто лишен воинственности, которую так ценил Нариаки. Разочарованный отец провозгласил, что в его сыне одержала верх изнеженная кровь двора.

Вслед за Цурутиё у него родились еще пять сыновей, один за другим, но не все от жены. Им были даны имена по порядку рождения: Дзирома («второй сын»), Сабурома («третий сын») и так далее. Второму и пятому подарила жизнь Ёсико, но один из них умер в раннем детстве, а другой, как и Цурутиё, всей повадкой пошел в придворную знать. Нариаки сетовал на то, что киотоская кровь взяла верх в его сыновьях, а личный вклад отца оказался весьма незначительным. И вот в 1837 году Ёсико произвела на свет Кэйки, которого в младенчестве называли Ситирома – «седьмой сын». С самого первого дня Нариаки не спускал глаз со своего отпрыска, стараясь найти ответ на волновавший его вопрос: в кого же пойдет мальчик?

Нариаки был человеком разносторонним, одним из его страстных увлечений являлось воспитание детей. Не в пример многим даймё, он зорко следил за тем, как и чему обучают сыновей. Сам он мальчишкой ненавидел, когда его наставляла няня.

– Мужчину должен воспитывать мужчина! – заявил он однажды своему отцу и настоял на том, чтобы ненавистную няньку сменила пара широкоплечих самураев.

Закон санкинкотай обязывал князей растить детей в Эдо. Однако Нариаки сумел добиться для своих отпрысков особых привилегий. Рождались они в резиденции клана Мито в столице сёгуната, но в раннем детстве их отправляли в провинцию и отдавали на воспитание самураям. Нариаки хотел быть уверенным, что столичная роскошь не избалует его сыновей.

Это вошло в правило, и Кэйки воспитывался в том же духе – не как изнеженный придворный ребенок, а как настоящий воин Мито. Через год после рождения его оторвали от матери и отослали в семейный замок в Хитати. Когда мальчику исполнилось десять лет, Нариаки вернулся домой из Эдо и с гордостью увидел, каким прекрасным подростком стал его сын. Год за годом, бывая наездами в Мито, Нариаки с удовлетворением наблюдал за физическим и духовным развитием своего любимца и даже самонадеянно заявил перед советом старейшин сёгуната:

– Помяните мое слово, этот мальчик вырастет совсем другим.

То есть он хотел сказать, что наконец-то один из его сыновей оказался не похожим на слабовольных киотских принцев.

Втайне Нариаки надеялся, что Кэйки станет реинкарнацией Иэясу,[8 - Токугава Иэясу (1542–1616) – самурай клана Имагава, участвовавший в борьбе за власть и объединение Японии наравне с выдающимися полководцами Нобунагой Одой и Хидэёси Тоётоми. В 1603 году был провозглашен сёгуном.] великого основателя династии Токугава.

– Приучайте его к дисциплине, – напутствовал он каждого, кто имел отношение к воспитанию ребенка, начиная с главных вассалов клана и наставников Кэйки, заканчивая женщинами, проживавшими на своей половине фамильного замка.

Само собой, самураи из Мито разделяли взгляды своего господина и тоже прочили мальчику большое будущее. Нариаки твердо верил, что даймё должен быть гораздо сильнее обычного самурая, и его сыновья воспитывались в соответствующей строгости. А поскольку на Кэйки он возлагал особые надежды, то строгость эта в отношении седьмого сына не имела границ.

Во сне воин обязан лежать прямо – таково было одно из убеждений Нариаки, а потому он часто заглядывал в спальню Кэйки без предупреждения, желая проверить, в какой позе спит мальчик. И каждый раз оставался недоволен увиденным. В итоге Нариаки призвал к себе самурая-наставника и отдал строжайший приказ:

– Если он будет кататься по постели, самурай из него не получится. Воткните мечи по обеим сторонам изголовья.

С той самой ночи Кэйки был вынужден спать на своем деревянном подголовнике между двух поставленных вертикально мечей. Поворачиваться приходилось с особой осторожностью, иначе можно было серьезно поранить лицо или затылок.

Но и это еще не все. Наставник Кэйки, Кандзабуро Иноуэ, постоянно следил за тем, чтобы подопечный спал, положив правую руку под себя. В данном случае, если врагу и удастся напасть на воина внезапно, во сне, и тот потеряет одну руку, вторая – правая – останется целой, и он будет способен отбить атаку. В результате у Кэйки на всю жизнь вошло в привычку спать в столь неудобной позе.

Мальчиком Кэйки никогда не подвергал сомнению подобные методы воспитания, хотя, из-за веры отца в то, что даймё является избранным и самым безупречным воином, его режим был куда более суровым, чем у сыновей самураев. Одежда и постельное белье для него шились из пеньки и хлопка, шелк начисто исключался. День его начинался с первыми лучами солнца. Умывшись, седьмой сын под присмотром наставника читал вслух отрывки из Четверокнижия и Пятикнижия,[9 - Четверокнижие и Пятикнижие общие названия книг конфуцианского канона. Четверокнижие включает в себя «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»), «Лунь юй» («Суждения и беседы», изречения Конфуция) и «Мэн-цзы» (сочинение философа Мэн Кэ, второго идеолога раннего конфуцианства). Пятикнижие «И цзин» («Книга перемен»), «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга документов»), «Ли

цзин» («Книга ритуалов») и «Чунь цю» («Весны и осени».)] затем наступало время завтрака. После еды до десяти утра мальчик упражнялся в каллиграфии. Потом отправлялся вместе с братьями и детьми самураев высшего ранга в школу клана, откуда возвращался в полдень. После обеда ему разрешалось немного поиграть. Остаток дня посвящался изучению воинского искусства. Вечером, отужинав, он заканчивал задание по чтению, оставшееся с раннего утра, и ложился спать. Никаких отклонений от этого распорядка не допускалось. Несмотря на всю строгость воспитания, Кэйки не был послушным от природы; Нариаки пришлось силой приучать его к режиму. Юный сын даймё с удовольствием предавался изучению военного дела, а вот чтение ненавидел. Несчастный учитель предупредил его:

– Если не станете читать, придется прижечь вам палец.

В итоге он заставил ребенка выставить указательный палец и приложил к нему горящую полынью. Боль была нестерпимой, но Кэйки упрямо заявил, что на все готов, лишь бы не читать вслух китайскую классику. Многократное повторение наказания привело к тому, что палец загноился, но мальчик продолжал упираться.

Потерпев поражение, учитель был вынужден обратиться к Нариаки и описать ему сложившуюся ситуацию. Отец тут же велел наказать сына. Для этого в гостиной отгородили один угол. Ширму крепко привязали, и ребенка посадили внутрь, оставив его без еды. Этого мальчик уже выдержать не смог и действительно стал более послушным. Однако учился он по-прежнему неохотно. До двадцати лет Кэйки вообще не проявлял особого интереса к книжным наукам. Вот что сказал насчет его раннего обучения один из выдающихся чиновников бакуфу Тосиакира Кавадзи: «Военное искусство не должно относиться к книжной премудрости как семь к трем! Если воспитание ребенка не будет сбалансировано надлежащим образом – пятьдесят на пятьдесят, – то настоящего сына Мито не получится».

Короче говоря, Кэйки был настырным, шальным, легкомысленным и хитрым малышом, безо всякого намека на очарование. Горома («пятый сын»), его старший брат, рос мальчиком тихим и любил играть со своими служанками в куклы-хина.[10 - Куклы – хина обрядовые куклы для Праздника девочек (Хинамацури), который с давних времен традиционно устраивается в Японии в начале весны, на третий день третьего месяца.] Однажды Кэйки ворвался в комнату, в которой играл Горома, и закричал:

– Какой же ерундой ты занимаешься, братец! – после чего сгреб глиняные куклы в охапку и побросал их на пол, разбив на мелкие кусочки.

Служанки тут же начали шептаться между собой, что седьмой сын – просто невыносимое отродье.

Несмотря на эти грубые выходки, Нариаки всегда радовало в Кэйки одно достоинство – его твердый, энергичный почерк. Нариаки считал, что в почерке человека отражается его характер и внутренний мир, на этом и основывалась его уверенность в том, что ребенок далеко пойдет. Отец втайне лелеял надежду, что в один прекрасный день Кэйки станет сёгуном.

Однажды из дома Кии поступила просьба прислать мальчика Мито для усыновления в качестве наследника. Это была драгоценная возможность сблизиться с могущественными Кии. Но когда Токо Фудзита донес эту весть до Нариаки, тот сразу предупредил, что Кэйки он желает оставить в семье на случай, если что-то произойдет с Цурутиё, нынешним наследником. Пусть забирают Горому. Он любит играть в куклы и никогда ничего не добьется; ни добра, ни зла от него ждать не приходится. В общем, невелика потеря – пусть он и становится наследником другого клана.

Столь упорное нежелание отсылать юного Кэйки даже в дом Кии, самый влиятельный из «трех знатных домов» Токугава, яснее ясного доказывает, что у Нариаки имелись на его счет определенные, только ему известные планы, и он лукавил, утверждая, что этого сына бережет в качестве «запасного варианта». (В итоге усыновление по каким-то причинам так и не состоялось; брат Кэйки, вместо того чтобы сделаться наследником Кии, отправился в дом Икэда из Тоттори и в свое время стал известен как Ёсинори Икэда, князь Тоттори.)

Для Кэйки же была уготована иная судьба. В 1847 году, в то лето, когда мальчику исполнилось десять лет, Масахиро Абэ, глава совета старейшин сёгуната, призвал к себе Накаяму, старшего вассала клана Мито, и сказал ему:

– Из конфиденциальных источников я узнал, что сёгун желает, чтобы Кэйки усыновило семейство Хитоцубаси.

Конфиденциальные ли, нет ли, но новости эти были равносильны прямому приказу Иэёси – двенадцатого сёгуна из рода Токугава.

Накаяма был тверд и непреклонен:

– Почему не выбрали кого-нибудь другого из сыновей хозяина? Пусть берут любого, только не этого! – И он пустился в объяснения, какие надежды Нариаки возлагает на мальчика и отчего не желает отпускать его от себя.

«Ну и глупец, – раздраженно подумал Масахиро Абэ о Накаяме. – Неужели не понимает, что стоит за этим предложением?» Будучи человеком весьма проницательным, Абэ добился репутации самого компетентного из всех политиков бакуфу своего времени. Несмотря на то что и бакуфу, и все до одного кланы из рода сёгуна осуждали Нариаки Токугаву из Мито за фанатичную настойчивость, с которой тот желал возвращения к императорскому правлению, Абэ питал к этому опасному государственному мужу изрядное уважение и даже вынашивал тайные планы по заключению союза с ним, чтобы разрешить сложнейшую проблему защиты берегов отечества.

«Черные» корабли[11 - «Черными» японцы называли все корабли западных держав.] американского коммодора Мэтью Перри еще не совершили своего ошеломительного вторжения в воды Японии.[12 - Это произойдет в 1853 году. Американская военная эскадра под командованием Перри должна была заставить японское правительство отказаться от политики изоляции, которой оно придерживалось с 30-х годов XVII века, и установить торговые и дипломатические отношения с США.] И все же редкие появления западных военных судов держали правительство в постоянном напряжении. Абэ ничего не оставалось, как положиться на ум, отвагу и популярность Нариаки, который не только выступал на стороне императора, но и яростно защищал политику изгнания иностранцев с помощью силы. Однако публично в своих планах Абэ признаться не мог, поскольку Нариаки был фактически взят под домашний арест в своей эдоской резиденции в наказание за столь радикальные политические взгляды и соответствующее поведение.

Руководствуясь теорией, что даже ядовитое растение можно использовать в лекарственных целях, Абэ вознамерился сыграть на руку Нариаки ради будущих свершений. Предложение об усыновлении от Хитоцубаси должно прийтись Нариаки по вкусу – в этом он нисколько не сомневался, потому отослал Накаяму, заметив мимоходом, что тому не стоит возлагать на себя единоличную

ответственность за столь важное решение. «Обсудите это с отцом мальчика», – посоветовал он.

У себя дома в Коисикаве (район Эдо) Нариаки впервые услышал о неофициальном желании сёгуна. Масахиро Абэ не ошибся в своих расчетах – старейшина Мито тут же ухватился за эту идею.

Кэйки сможет стать сёгуном. Логика, которая привела Нариаки к этому выводу, сродни логике великого шахматиста, просчитывающего партию на много ходов вперед. Он рассуждал так: правящий сёгун, Иэёси, не отличается крепким здоровьем и вряд ли сможет протянуть слишком долго; его будущий преемник, Иэсада, и того хуже: хрупкий и болезненный с самого рождения, он не в состоянии вступить в сексуальную связь с женщиной, а потому, похоже, ему предначертано умереть молодым, не оставив после себя наследников. Выходит, власть Токугава должна перейти к приемному сыну. Кандидатов будут подбирать только из двух «знатных» семейств – Кии и Овари – или из «трех благородных домов» (госанкё) – Хитоцубаси, Симидзу и Тая су. А Кэйки может войти в дом Хитоцубаси. Это реальный шанс!

И в самом деле, шанс действительно был весьма многообещающий. Из двух «знатных» семейств одно в расчет не принималось: Овари недавно самим пришлось усыновить мальчика из другого клана, а потому предложить своего наследника в кандидаты на пост сёгуна они не имели права. Юный князь Наримаса из дома Кии умер примерно год назад, оставив после себя младенца по имени Кикиутиё. Таким образом, и второе семейство можно было не учитывать. Далее, Ёсиёри, глава Таясу, одного из «трех благородных домов», только что достиг совершеннолетия, и ему еще предстояло стать отцом наследника; у Симидзу в то время главы вообще не было – годом раньше Нарикацу поспешно переехал к Кии, чтобы заполнить пустоту в этой семье. Таким образом, оставались только Хитоцубаси. Здесь, впрочем, тоже трагедия следовала за трагедией. В течение нескольких поколений семейство было вынуждено усыновлять мальчиков из других ветвей, чтобы продолжить свой род, но по странному стечению обстоятельств все они умирали молодыми. Нынешний наследник, Масамару, происходивший из клана Овари, уже был при смерти. Таким образом, Кэйки переходит к Хитоцубаси, и, когда сёгуну потребуется преемник, больше обратиться будет некуда. И один из Мито наконец-то сможет встать у кормила власти!

За все 250 с лишним лет правления Токугава ничего подобного не случилось, а если уж на то пошло, и за все предыдущие столетия существования сёгуната – тоже. Именно это и вдохновляло главу дома Мито. Если все сложится так, как задумано, то он, Нариаки, родной отец сёгуна, займет в Эдоском замке соответствующее положение. Он сможет даже возглавить правительство и заткнуть рот мощнейшей иерархии Ооку. Подобная перспектива завораживала его. Нариаки был человеком честолюбивым, и по этой причине старшие советники бакуфу недолюбливали и сторонились его, хотя в основе амбиций князя лежала патриотическая забота и возмущение состоянием дел в родном государстве, над которым, как он видел, нависла угроза иностранного владычества. Так или иначе, но Нариаки твердо решил добиться власти и взять в свои руки контроль над правительством Японии.

«А этот Абэ – парень не промах», – с восхищением думал князь Мито о двадцатидевятилетнем тайро – «великом старейшине» сёгуната – Масахиро Абэ, чье тайное содействие открыло для него дверь во власть. Фактически, он был едва знаком с этим блистательным правителем Исэ, владельцем замка Фукуяма. То, что Абэ протянул ему руку столь замысловатым способом, – факт весьма удивительный.

Нариаки немедленно передал свое согласие через старшего вассала.

Услышав об этом, Абэ втайне вознес хвалу собственному политическому чутью. Сам он о юном Кэйки абсолютно ничего не знал и мнение свое основывал лишь на слухах о надеждах, которые возлагал на него князь Мито.

Вышло так, что отцовские ожидания Нариаки породили слухи, и эти слухи, в свою очередь, вывели его седьмого сына на тропинку невероятной судьбы.

II. Воспитание будущего сёгуна

Естественно, десятилетний Кэйки даже не подозревал об этом. Ранней осенью 1847 года он отправился из замка Мито в Эдо по приказу отца, который велел ему срочно явиться в столицу. Путешествовал мальчик верхом в сопровождении тринадцати самураев, включая его наставника, Кандзабуро Иноуэ. За три дня они добрались до резиденции Мито в Комагомэ (район Эдо).

Утром первого дня следующего месяца тайро Масахирос Абэ и Тадамаса Тода, один из старших советников бакуфу, навестили Нариаки в качестве посланников сёгуна Иэёси и официально объявили о желании его превосходительства передать мальчика на усыновление в дом Хитоцубаси. Это семейство имело ежегодный доход в 100 000 коку.[13 - Коку - мера риса; во времена Токугава. Один коку равнялся примерно 180 кг. Жалованье самураев и зажиточность даймё исчислялись в коку.] Оно не было независимым, как «три знатных дома» Токугава, поместьями не владело и не имело собственных вассалов, поэтому не причислялось к хан, или феодальным кланам. Вместо самураев семейству прислуживали хатамото («знаменосцы»), вассалы бакуфу, которые имели статус прямых подданных сёгуна; им вменялось в обязанность заботиться только о личных нуждах Кэйки, не более того. Поскольку «три благородных дома» - Хитоцубаси, Симидзу и Таясу - числились среди тех, кто мог по закону предоставить наследника сёгунату, считалось, что их вассалы находятся на службе у сёгуна и семьи как бы берут их займы. Эта система была введена при восьмом сёгуне, Ёсимунэ, который желал укрепить наследственную линию Токугава. Единственной задачей «трех благородных домов», поставленной перед ними военным правителем, было хранить свою линию в добром здравии, никакой иной роли - в политической или общественной жизни - им не отводилось.

Итак, Кэйки вступил в дом Хитоцубаси. Эдоские сановники шептались, что, поскольку он выходец из Мито, его кровная связь с главной линией Токугава довольно прозрачна. Но делать было нечего. Ки и Овари состояли в близком родстве с правящими Токугава, и доверие к сёгуну с подобной родословной было бы безупречным, но то, что Мито встал в очередь на наследование - случай беспрецедентный. Основателем рода Мито являлся Ерифуса, одиннадцатый сын Иэясу. С тех самых пор никаких брачных связей с прямыми потомками сёгуна выходцы из Мито не заключали, так что, хотя этот клан и считался одним из «трех знатных домов», единственная кровная ниточка, которая связывала его с Токугава через Иэясу, отстояла на два века. То, что Кэйки, младший отпрыск этой ветви, попал в претенденты на пост сёгуна, - дело из ряда вон выходящее.

Однако сёгун Иэёси остался доволен. Его любимая бывшая принцесса Сати, приходилась матери Кэйки сестрой, а сам Иэёси, соответственно, был ему дядей. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы сёгун начал питать расположение к мальчику еще до первой встречи с ним.

– Говорят, наш племянник – малыш смысленный и подающий большие надежды, – сказал он супруге.

Масахиро Абэ всегда держал ухо востро, поэтому заранее позаботился навести справки, обнаружил эту родственную связь и быстро оценил ее политическое значение.

После знакомства с Кэйки Изэси еще больше привязался к мальчику. «Гёбукё, учись прилежно», – улыбался он племяннику, называя его наследственным титулом старейшин Хитоцубаси. Предыдущий глава семейства, юноша по имени Акимару, скончался как раз перед усыновлением Кэйки. В те времена вырастить из высокородного ребенка взрослого мужа было делом нелегким. Изэси и сам был вторым сыном, он принял бразды правления от своего старшего брата, Такэтиё, который рано умер. Сёгун слыл человеком добросердечным и дурных чувств ни к кому не питал.

Следует отметить, что хатамото дома Токугава не были столь близки с Нариаки, князем Мито, как с представителями Ки и Овари. Последних они считали своей семьей, но на Мито посматривали немного враждебно, словно чувствуя глубоко укоренившуюся отчужденность. Одной из причин подобного отношения была слишком слабая кровная связь ветви Мито с древом Токугава, о чем уже упоминалось выше; другой – рожденная на земле Мито идеология «Сонно дзёи» – «Чти императора, изгони варваров», – имеющая целью свержение сёгуната и возвращение к единовластному правлению Небесного государя. Многие годы члены клана тратили огромные суммы на то, чтобы собрать оппозиционно настроенных ученых и ускорить их работу над колоссальным трудом «Дай Нихон си» – «История великой Японии», – насквозь пропитанным национализмом и монархическими настроениями. Это был своего рода поклон в сторону Киото[14 - В Киото находилась резиденция императора.] и откровенное оскорбление военных правителей. К примеру, в то время как последние превозносили до небес полководца Такаудзи Асикагу за его роль в реставрации власти Минамото, с точки зрения ученых Мито он являлся разбойником и изгоем, обвинялся в развязывании гражданской войны и изгнании из столицы законного императора Годайго.[15 - Император Годайго (1288–1339) в 1-й четверти XIV века возглавил антисёгунский заговор, был отправлен в ссылку и начал войну с камакурским бакуфу и правящим военным домом Ходзё. Полководец Такаудзи Асикага (1305–1358) поначалу поддерживал мятежного императора, но в 1335 году отрекся от него и основал новый сёгунат.] Вместо этого они нахваливали выдающегося военного тактика Масасигэ Кусуноки, выставляя его образцом добродетели за

то, что он, хоть и безуспешно, противостоял военному правлению.[16 - Полководец Масасигэ Кусуноки, выступавший на стороне Годайго, принял сражение с войсками дома Ходзё; потерпев поражение, прикрыл отступление императора и покончил с собой.]

Взгляд ученых из Мито на историю неизменно вызывал едкие комментарии бакуфу Токугава. «Мятеж у них в крови» – таков был вердикт совета старейшин, и на его основании строилось отношение вассалов сёгуна ко всем представителям клана Мито. По слухам, в этом семействе из поколения в поколение передавался тайный наказ, прозвучавший из уст Мицукуни Токугавы: «Если когда-нибудь разгорится война между эдоским правительством Токугава и киотоским двором императора, сложите оружие и служите Небесному государю». Позднее Кэйки собственными словами и поступками подтвердил, что этот наказ – не просто легенда, он действительно прозвучал много лет назад.

За это клан Мито и ненавидели. Кроме того, Нариаки считался весьма опасным вольнодумцем. Естественно, для сёгуна Иэёси он был фигурой нежелательной, от которой стоило избавиться. Однажды Иэёси в личной беседе с Масатоси Асахиной, своим главным поверенным в делах и начальником канцелярии бакуфу, отозвался о Нариаки как о «человеке, коего следует остерегаться». Однако обычно сёгун говорил о нем со своими подданными как о «выдающейся личности», имея в виду, что это государственный муж высокого полета, даже несмотря на то, что происходит он из столь незначительного семейства. Оба эти высказывания весьма характерны для здравомыслящего и уравновешенного Иэёси. Как глава дома Токугава, он смотрел на Нариаки и Кэйки беспристрастно, каждый из них занимал в его сознании свое собственное место. Более того, у него даже возникала мысль самому усыновить Кэйки, что подтверждает следующая история.

Одним из самых влиятельных лиц в окружении сёгуна являлся «главный глашатай высочайшей воли», своего рода личный секретарь правителя. При Иэёси пост этот занимал человек по имени Хонго. Видя, что его друг, начальник канцелярии бакуфу Масатоси Асахина, уже долгое время не получает прибавки к жалованью, Хонго со всем почтением поднял этот вопрос перед Иэёси.

Повод для повышения жалованья Асахины имелся: он отвечал за организацию охоты на оленей – освященного веками торжественного мероприятия, которое проводилось один раз в правление каждого сёгуна. Традиционно старший распорядитель охоты на оленей получал повышение на 500 коку, но отчего-то

Асахина стал исключением.

И все же Иэёси ходатайство Хонго отклонил, сказав ему:

– В том нет необходимости. Асахина все равно вскоре поднимется на одну ступень с тобой, это всего лишь дело времени.

Замечание было очень важным, и не только для Асахины, но и для сына Нариаки из Мито. Когда Хитоцубаси усыновили Кэйки, Асахина начал прислуживать ему. Стань теперь Кэйки сёгуном, Асахина непременно получит должность «главного глашатая высочайшей воли» – самую высокую в бюрократическом аппарате военного правительства. Вот что имел в виду Иэёси, и вот почему с повышением жалованья можно было не торопиться. Из этого видно, что Иэёси прочил Кэйки блестящее будущее.

По замку быстро поползли слухи, что сёгун в частной беседе недвусмысленно высказался по поводу наследника. В штате замка состояла особая категория челяди – бодзу, или «жрецы». Они занимались случайными делами, такими, как, например, прислужить за обедом или подать чай, облачившись в жреческое одеяние, а также постоянно посещали усадьбы, которые каждый князь содержал в Эдо, и с готовностью выбалтывали любому желающему придворные тайны и сплетни. Суммы, которые им выплачивались за это, составляли неплохое дополнение к доходу.

Поскольку бодзу быстро разносили слухи, вскоре каждый князь был в курсе планов Иэёси. В мгновение ока имя Кэйки Хитоцубаси приобрело в Эдо невероятный вес. Вот какими способами решается судьба человека.

Вскоре в резиденцию Хитоцубаси стали стекаться даймё, высокопоставленные чиновники и хатамото, ищущие повышения. Обувь в прихожей выстраивалась в ряды, красноречиво свидетельствуя о нескончаемом потоке посетителей. Вышло так, что зерна самых заветных надежд Нариаки из Мито, много лет назад развеянные по ветру, все-таки дали ростки и заколосились в чужих душах. В итоге все эдоское сообщество стало уповать на его сына.

Но Кэйки, объект этого пристального внимания, был пока еще мальчишкой, которому больше всего на свете нравились физические упражнения. Однажды он гулял со своим слугой по берегу залива Синагава и увидел, как рыбак

забрасывает сеть.

– Мне бы тоже хотелось попробовать, – заявил Кэйки, не желая слушать никаких возражений. В итоге он влез в рыбачью лодку и забросил сеть под руководством озадаченного инструктора. На деле все оказалось гораздо труднее, чем виделось со стороны. Сеть запуталась еще в воздухе и рухнула в воду сбившимся клубком.

– Да так ты только рыбу всю распугаешь, – усмехнулся рыбак, которому даже в голову прийти не могло, что это и есть тот самый знаменитый наследник рода Хитоцубаси. – Бросать нужно с подкруткой, чтобы она расправилась на лету, прежде чем упасть на воду. Вот как надо, смотри. А у тебя она камнем падает, и все дела. Ну, от новичка другого ждать и не приходится. Этому три года учиться надо, только тогда можно сноровку приобрести.

– Три года?! – поразился Кэйки.

Он заплатил за сеть, забрал ее домой и начал тренироваться в саду у пруда как одержимый. К концу месяца мальчик сумел отточить движения настолько, что сеть расправлялась в воздухе и плавно ложилась на воду. «Ха! Тот рыбак говорил, что на это три года надо, а я за месяц сумел!» – ликовал он.

Это невероятное упорство, которое сопровождало его всю оставшуюся жизнь, зародилось еще в раннем детстве. И хотя умение забрасывать сеть для человека его положения представляло весьма сомнительную ценность, нельзя не подивиться тому, что сын даймё ухитрился быстро и ловко освоить сложное мастерство, которое обычно с трудом постигали люди, чья жизнь напрямую зависела от этих навыков.

Токо Фудзита, ученый муж и один из самых мудрых советников Нариаки, прекрасно разбирался в людских характерах. Усмотрев в Кэйки необычайно одаренного ребенка, он начал бояться за его благоденствие и написал предостерегающее письмо Таитиро Такахаси, главному секретарю резиденции клана Мито в Эдо. В частности, в письме говорилось следующее: «Необычайная сила духа и ловкость могут навредить ему. Его блистательные успехи способны вызвать в людях зависть и недовольство, а сам он, увлеченный стремлением к совершенству, не заметит готовый обрушиться на голову удар. Скажите, пусть не выставляет своих достижений напоказ, а на людях проявляет покорность и

почтительность».

«Нет ничего страшнее клеветы и наговоров», – утверждал Фудзита, проявляя глубочайшее понимание жизни и человеческой природы.

Примерно в то же время личный врач сёгуна, Созэки Ито, послал приватное письмо одному из приближенных Нариаки. Ито числился в неофициальной платежной ведомости Мито, за что с радостью выдавал им все секреты бакуфу. К подобному способу добычи информации о том, что происходит в доме Токугава и внутренних кругах сёгуната, прибегали не только Мито, но и все остальные кланы.

Содержание письма Созэки Ито было весьма необычным. В нем высказывалось мнение по поводу состояния здоровья Иэсады – нынешнего наследника сёгуна Изёси. Сочетавшись браком в возрасте шестнадцати лет с принцессой Сати, Изёси стал отцом двадцати трех детей, рожденных женой и наложницами. Почти все дети умерли во младенчестве; выжил только один – Иэсада, четвертый ребенок. Теперь ему было уже двадцать пять лет, но добрым здоровьем он, мягко говоря, похвастаться не мог. Ито заявлял, что у Иэсады «весьма слабая конституция». И добавлял: «Особым умом он тоже не блещет». Иными словами, умственные способности наследника были весьма своеобразными, если не сказать сомнительными. Далее в письме говорилось: «Когда он подхватывает простуду и за ним требуется непрерывный уход, слишком большое количество желающих позаботиться о наследнике придворных дам расстраивает его и ему становится только хуже. По этой причине приглядывает за ним только одна, к которой он привык. Учитывая такое безразличие к женщинам, он вряд ли когда-нибудь станет отцом».

Итак, по словам врача, Иэсада не питал интереса к противоположному полу и к воспроизводству потомства не имел ни склонности, ни сил. Далее Ито сделал одно замечание, проявив невероятную политическую прозорливость: как раз благодаря столь скромным умственным способностям Иэсады чиновники наверняка сочтут, что управлять им будет куда проще, чем его отцом-сёгуном.

Ясно, что придворный лекарь передал эти сведения, проявляя заботу об интересах Кэйки Хитоцубаси. Если бы Кэйки был усыновлен бездетным Иэсадой, он оказался бы вторым претендентом на пост сёгуна.

Однако все было не так просто. Враждебность по отношению к клану Мито была у бакуфу в крови, а кроме того, и чиновники, и придворные дамы предпочли бы видеть сёгуном человека, который готов слепо исполнять их волю, а не того, кто способен думать и действовать самостоятельно. Этот факт сомнению не подлежал. Не было никакой гарантии, что Кэйки выпадет шанс встать в очередь за властью.

Один человек, Ёсимити, монах из фамильного буддийского храма Токугава в Уэно, предсказал Кэйки иное будущее. Одаренный ученый и настоящий аскет, чьим единственным недостатком была невоздержанность в речах, Ёсимити обучался у великих мастеров, и с ранней юности ему предсказывали большую карьеру, венцом которой должен был стать пост настоятеля влиятельного храма. Однако он так и не сумел справиться со своим языком и продолжал высмеивать неосмотрительные поступки ближних, делая шокирующие разоблачения и пользуясь каждой возможностью предаться зубоскальству, пока остальные монахи не настроились против него, в результате чего острослова перевели в захудалую обитель.

Однажды Ёсимити увидел, как Кэйки Хитоцубаси молится в храме, и пробормотал: «У этого человека физиогномика точь-в-точь как у меня!»

Умение распознавать характер человека по чертам лица превратилось в хобби Ёсимити. О Кэйки монах сказал, что ему не быть ни правителем, ни полководцем – скорее всего, он станет весьма толковым советником. Иными словами, Кэйки не достигнет величия Хидэёси Тоётоми или Иэясу Токугавы, гигантов японской истории, которые сумели объединить страну; ему уготована гораздо более скромная роль управляющего – человека больших умственных способностей, но лишённого величия истинного правителя. (Кстати говоря, именно за это столь опрометчивое предсказание, которое было услужливо передано его собратьями людям Мито, Ёсимити вскоре сослали в захолустный храм.)

Кэйки между тем был нужен хороший помощник, который сумел бы стать его правой рукой. Нариаки попросил преданного Токо Фудзиту порекомендовать в слуги своему сыну образованного хатамото с твердым характером. Токо назвал Энсиро Хираоку, вассала сёгуна и человека неоспоримо честного.

Энсиро, четвертого сына обедневшего самурая по фамилии Окамото, усыновило в свое время семейство Хираока. Это был довольно эксцентричный молодой человек, преуспевший в учении, но относившийся спустя рукава к придворному

этикету. Манеры его оставляли желать лучшего, к светским условностям он особого уважения не питал и даже отказывался кланяться в доме старшего по положению. В то время, когда поступило предложение стать слугой Кэйки Хитоцубаси, он занимал очень скромную должность в судебной управе без всякой надежды на дальнейшее продвижение. Поступив на службу к Хитоцубаси, Хираока получал возможность достичь головокружительных высот в том случае, если Кэйки станет сёгуном. Одним словом, предложение это было весьма многообещающим, и все же он с ходу отказался, заявив, что будет чувствовать себя на этом месте не в своей тарелке. Отказ Хираоки вызвал настоящую бурю. Находясь под впечатлением от необыкновенной искренности и прямолинейности этого человека, Нариаки вмешался и лично уговорил его согласиться.

В итоге Хираока все же поступил на испытательную службу к Кэйки, который в ту пору уже превратился в юношу. Жалованье слуге было установлено щедрое – больше, чем у самураев знатных кланов. Кроме всего прочего, в его обязанности входило подавать рис. В первый раз прислуживая своему господину за обедом, Хираока неловко подвинул к себе бадью, взял черпак и начал раскладывать рис по чашкам, но получалось у него не слишком хорошо, и каждый раз он рассыпал немалое количество зерен.

– Что, Хираока, разве ты не знаешь, как раздавать рис? – сочувственно поинтересовался Кэйки у своего подчиненного, который был на пять лет старше его. Он забрал у Хираоки бадью, черпак, чашки и продемонстрировал, как это делается. Сказать, кто кому прислуживает, не было никакой возможности.

Хираоку бросило в холодный пот оттого, что он так опозорился перед господином. В то же время бедняга ужаснулся действиям Кэйки. Какой еще даймё стал бы как ни в чем не бывало обучать слугу премудростям раздачи риса? Кэйки в очередной раз проявил себя человеком одаренным, для которого, казалось, нет ничего невозможного.

Еще один подобный случай произошел с недавно продвинутым по службе самураем по имени Рёдзо Ватараи, которому светская церемонность была так же чужда, как и Хираоке, и который, приехав в столицу сёгуната из далекого захолустья, еще не успел привыкнуть к своему новому окружению. Когда Кэйки организовал для братьев состязание в стрельбе из лука, Ватараи было поручено подбирать и подавать стрелы, но он оказался совершенно не готов к этому. Снаряжение было не боевое, а гораздо меньших размеров: луки длиной два с

половиной сяку,[17 - Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.] стрелы – всего в один сяку; мишени находились на расстоянии восьми кэнв.[18 - Кэн – японская мера длины, равная 1,81 м.] Подобные соревнования издревле являлись придворной забавой, и для них были установлены строгие правила. Видя, что Ватараи пребывает в полной растерянности, Кэйки выступил вперед.

– Смотри, как надо! – сказал он и с энтузиазмом выполнил работу слуги.

Брить Кэйки волосы над лбом и поддерживать в порядке его прическу самурая выпало на долю другого слуги, Кацусабура Игаи. Однако цирюльник из него вышел никуда не годный – он регулярно оставлял на голове Кэйки порезы. Ни разу не потеряв терпения и не проявив недовольства, юный князь в конце концов заявил, что сейчас покажет, как это надо делать, усадил Игаи на свое место и ловко побрил ему голову. Оставалось только гадать, где он мог постичь это ремесло, поскольку юноше его положения никогда в жизни бритву в руки не давали. Но ему каким-то непостижимым образом удалось с блеском справиться с этой задачей. Игаи был ошеломлен и восхищен одновременно. В самом деле, монах Ёсимити оказался прав: из Кэйки вышел бы прекрасный вассал или советник, ступи он на эту стезю. Родись он в семье торговца, наверняка достиг бы небывалых высот и на этом поприще.

Со времени вступления в семейство Хитоцубаси дни Кэйки были хлопотными и насыщенными частными уроками. Всего он изучал девять предметов: каллиграфию, китайский, японский, классическую поэзию, искусство верховой езды, стрельбу из лука, фехтование, метание копья и стрельбу с лошади. В каждом из них юноша добился всего, чего может достичь любой способный ученик, но не более того. Это было характерной чертой Кэйки – он не слишком хорошо усваивал то, чему его обучали другие, предпочитая приобретать навыки и знания самостоятельно. Токо Фудзита понимал, что это – признак истинного величия. Позднее даже враги признавали Кэйки героем, подобным Иэясу; зашел ли Фудзита настолько далеко в своей оценке, история умалчивает.

Сёгун Иэёси так привязался к Кэйки, что даже его приближенным это казалось странным. Иэёси воспитал в себе гуманность и благородство – конфуцианские добродетели, но как политик всегда оставался человеком хитрым и подозрительным; особенно настороженно он относился к Нариаки, так что, похоже, его интерес к Кэйки не носил политической окраски. Наоборот, сёгун обожал этого крепкого юношу за его личные качества. Разочарованный в собственном сыне – тугодуме Иэсаде, будучи не в состоянии подарить ему

безотчетную любовь, он, по всей видимости, перенес свои нерастраченные отцовские чувства на бойкого и сообразительного Кэйки.

В январе 1853 года, когда Кэйки исполнилось пятнадцать, произошло неожиданное событие, в результате чего приближенные Иэёси с превеликим изумлением пришли к выводу, что сёгун действительно планирует сделать Кэйки наследником своего сына. Среди особых ежегодных мероприятий военного правителя числилась соколиная охота в Микавасиме, после которой он отправлялся в Киото и вручал императору собственноручно добытую дичь.

– На этот раз я возьму с собой Кэйки, – внезапно заявил Иэёси начальнику канцелярии Асахине, которому было поручено опекать юношу.

Асахина был немало удивлен, поскольку, согласно обычаю, сёгуна должен был сопровождать прямой наследник. Это было равносильно тому, что Кэйки объявили преемником Иэсады.

Должность, которую при Кэйки занимал Асахина, дала последнему повод лишний раз порадоваться, поскольку его положение должно было непременно повыситься вместе с положением его хозяина. Но как же бакуфу? Не встанут ли противники Мито в яростную оппозицию, сведя шансы Кэйки к нулю? Почувствовав опасность, Асахина отправился за консультацией к главе совета старейшин бакуфу Масахиро Абэ.

На мгновение лицо Абэ просветлело от удовольствия, когда он услышал прекрасные новости о своем протеже, но вскоре тайро впал в глубокую задумчивость и в итоге покачал головой. Он признал, что для Кэйки ситуация складывается угрожающая. Асахина поспешил передать мнение Абэ Иэёси.

– Слишком рано, да? – понимающе усмехнулся сёгун.

Эта лаконичная ремарка только подтвердила его твердое намерение сделать Кэйки наследником своего сына, когда придет время. Бесхитростное замечание выдало тайные помыслы сёгуна.

Нариаки был вне себя от радости, услышав весть об этом.

Однако разве дано простым смертным предвидеть все хитросплетения судьбы? Через несколько месяцев, в июле 1853 года, Иэёси умер от болезни, не успев предпринять никаких официальных мер по назначению Кэйки преемником. Вначале врач Созэки Ито поставил диагноз: обыкновенный тепловой удар, но уже через три дня сёгун Иэёси лежал в гробу.

А времена меж тем настали весьма драматичные. Всего за несколько дней до смерти сёгуна, 8 июля, американский коммодор Мэтью Перри ввел свою эскадру в бухту Эдо и предъявил бакуфу ультиматум, заявив, что он готов силой открыть страну и тем самым положить конец самоизоляции Японии, продлившейся два с половиной века. И бакуфу, и весь народ пришли в небывалое смятение. Так началось падение дома Токугава, которому отныне оставалось простоять еще не более пятнадцати лет.

Послание Перри носило недвусмысленный характер: «Открывайте страну или примите бой». Отбросивший мягкую дипломатию Запада, которую иностранные державы использовали прежде в отношении непокорных японцев, Перри был твердо убежден, что одной любезностью при установлении связей с Японией не обойтись – здесь только военная сила поможет. Он был готов, если потребуется, оккупировать архипелаг Рюкю.

Перри даже представить себе не мог, какой шок вызвало его заявление у японского народа. Граждане были полны неистовой решимости защитить отечество и любой ценой «изгнать варваров». Однако в кругах бакуфу это событие стало началом пораженческого курса внешней политики, призывавшей пасть ниц перед лицом превосходящих сил противника. В основе трений и конфликтов между сторонниками этих двух диаметрально противоположных идей лежало всеобщее смятение, наступившее в стране на закате эры сёгунов Токугава, дни которых уже были сочтены.

Что касается торговых переговоров, к которым также стремился Перри, из-за его неприкрытой агрессии японская правящая элита пришла к выводу, что пойти на них будет равносильно капитуляции. «Зачем сдаваться без боя? – вопрошали они. – Давайте сразимся, и уж если проиграем, тогда и капитулируем».

Таково было мнение всех патриотов, во главе которых на западе Японии стоял император Комэй, а на востоке – Нариаки Токугава из Мито.

Одним словом, сёгун Иэёси скончался в самый разгар суматохи, вызванной появлением коммодора Перри и его «черных» кораблей. Сообщая Перри о смерти Иэёси, сановники бакуфу в своих посланиях именовали сёгуна тайкун – «великий господин». Проблема возникла весьма деликатная: назвать его правителем или монархом при здравствующем императоре они не могли, перевести слово «сёгун» буквально, как «великий полководец», – тоже, поскольку в данном случае он становился всего лишь солдатом, лишенным политического веса. Пришлось выдумать новое слово, которое все иноземцы, и в особенности французы, перевели как «коронованный вождь». Таким образом, до иностранных сил донесли весть о том, что «коронованный вождь» Японии мертв, а его преемник – человек умственно неполноценный.

III. Упущенная возможность

Кэйки несколько раз встречался с Иэсадой, новым верховным правителем Японии.

– Что это за человек? – неоднократно пытался разузнать Энсиро Хираока, приближенный Кэйки, но тот неизменно отвечал:

– Я не могу обсуждать сёгуна. Кэйки был наделен природой даром красноречия и любил поболтать, но, наверное, воспитание в духе Мито принесло свои плоды, и с годами он стал более сдержанным на язык.

На деле же юноша оказался свидетелем нескольких шокирующих сцен. Еще до того, как Иэсада был провозглашен сёгуном, Кэйки однажды навестил его в западном крыле Эдоского замка – традиционной официальной резиденции наследника.

– Кто там? – спросил Иэсада, резко подняв голову. Лицо его было бледным, взгляд блуждающим. Прямо перед ним стояла жаровня, отделанная золотой фольгой, на углях разогревалась глиняная сковорода. Иэсада предавался своему любимому плотскому наслаждению – поедая бамбуковыми палочками жареные бобы.

– А, Хитоцубаси, это ты! Отведай бобов! – воскликнул он и положил несколько штук на ладонь Кэйки.

В этот самый момент через ограду замкового сада перемахнул петух. Иэсада с визгом бросился вниз с галереи-энгава и погнался за птицей. И это взрослый мужчина, который успел дважды овдоветь! Первой его женой была дочь кампаку[19 - Кампаку – высшее правительственное звание в Японии IX–XIX века, канцлер.]Сукэхиро Такацукасы, второй – дочь бывшего кампаку Итидзё; обе женщины умерли вскоре после церемонии бракосочетания.

С тех пор как Иэсада стал тринадцатым сёгуном, каждая его встреча с Кэйки неизменно проходила в саду. И в тот раз он тоже был там, разгуливал своей нетвердой, немного прихрамывающей походкой вокруг пруда. В руках – ружье со штыком, подарок голландца. Иэсада всегда увлекался оружием и теперь потрясал им над головой, преследуя своих слуг, носился за ними следом и радостно хихикал, забавляясь тем, как перепуганные до смерти мужчины разбегаются в разные стороны.

Пребывая в полном смятении, Кэйки подошел к пруду и в ожидании опустился на колени. Вскоре Иэсада бросился и на него в атаку, но, узнав Кэйки, побледнел и отбросил ружье в сторону. Вид у сёгуна при этом был такой, словно он столкнулся один на один с демоном. На глаза его навернулись слезы, он начал истерично звать няньку:

– Осигэ, мне страшно! Здесь Хитоцубаси!

Кэйки был протрясен до глубины души. Он много раз встречался с Иэсадой и считался членом семьи. Но никогда ранее такой реакции не было.

Приближенные сёгуна тоже впали в оцепенение и поспешили попросить Кэйки удалиться, что он и сделал без всяких протестов, однако обида и унижение все же терзали его. «Разве я чудовище?» – спрашивал он себя. Должно быть, кто-то настроил недалекого Иэсаду против него, скорее всего дамы из замка.

Естественно, восшествие на престол нового сёгуна означало перетасовки в Ооку, «святая святых», иерархии женщин, прислуживающих сёгуну. При Иэсаде хозяйством управляла его родная мать, О-Мицу. Дочь хатамото по имени Юдзаэмон Атобэ, она стала супругой Иэёси, когда тот был еще наследником. Судьба необычайно благоволила ей. Хотя Иэёси было далеко до своего

плодовитого отца Иэнари, одиннадцатого сёгуна, родившего пятьдесят пять детей от сорока наложниц и державшего в замке еще несколько сотен дам для утех, супруг О-Мицу все же поддерживал связь с пятьюдесятью шестью женщинами, двадцать из которых забеременели. Однако почти все его дети умерли в младенчестве. Единственный оставшийся в живых – умственно неполноценный сын О-Мицу.

После смерти Иэёси и перехода власти к Иэсаде О-Мицу дала буддийский обет и стала известна как Хондзю-ин, но своего огромного политического влияния не потеряла. Подобные прецеденты уже случались: Масако Ходзё называли «монахиня-сёгун» из-за пожизненного влияния, которое эта женщина оказывала на политику сёгуната после смерти в 1199 году ее мужа Ёритомо из рода Минамото, основателя камакурского сёгуната. Физическая и умственная немощь Иэсады, из-за которой он был не в состоянии свободно общаться ни с кем, кроме своей матери и няни, означала, что толкование воли сёгуна Японии всецело легло на плечи О-Мицу.

Твердо убежденная в том, что Нариаки желает с помощью Кэйки прорваться к власти, О-Мицу была настроена чрезвычайно враждебно по отношению к клану Мито. И в общем-то небезосновательно. Именно по этому сценарию и должны были развиваться дальнейшие события: как только Кэйки становится правителем, Нариаки тут же занимает должность огосё, опекуна сёгуна. Войдя в Эдоский замок в этом качестве, он пересмотрит политический курс и встанет грудью против зарубежных сил.

Зарубежные силы О-Мицу совершенно не волновали, но она прекрасно знала, что экономный Нариаки тут же упразднит институт Ооку, а вместе с ним вытеснит из политики и ее саму.

– Старик Мито – сущее чудовище, – внушала она своему сыночку-сёгуну денно и ночью. – И его отродье, юный князь Хитоцубаси, тоже. Если вы сделаете его своим наследником, неизвестно, что станет с вами.

Она шептала и шептала эти слова в ухо безответному Иэсаде, словно колдунья, пытающаяся оживить куклу. В момент наития Кэйки понял, как обстоят дела: власть имущие настроены против него и наверняка сделают все, чтобы он закончил свои дни вдали от главных покоев, сердца замка, а также от западных покоев – резиденции наследника. Кэйки был раздражен и обижен. Природа наделила его многими выдающимися качествами, но амбициозность не входила

в их число – голова его ни разу не закружилась от желания стать сёгуном.

«Какая нелепость!» – повторял он сам себе ночь за ночью в тиши своей опочивальни. Постель он делил с наложницей по имени Суко. Каждую ночь, когда Кэйки возлежал с ней, снова и снова повторяя одно и то же слово «Нелепость! Нелепость!», она робела и приходила в отчаяние. Суко казалось, что это он ее критикует.

Всю жизнь Кэйки отличался отменным любовным аппетитом. Он был крепок физически, рано возмужал и в тот год, когда ему исполнилось шестнадцать, познал первую любовницу. Привели ее к юноше не по его требованию, а по повелению наставников. Выбор пал на вышеупомянутую Суко, дочь вассала Мито по фамилии Иссики. Кстати говоря, Суко оставалась с Кэйки всю его жизнь, и после того, как он женился.

Когда Суко впервые появилась в его опочивальне, Кэйки с огромным интересом принялся изучать ее анатомию, предаваясь этому занятию с той же страстью, с какой когда-то забрасывал сеть. Она, обнаженная, ложилась перед ним, а он придвигал поближе бумажный фонарь и изумлялся:

– Совсем не так, как у мужчин! Молодой князь зачарованно взирал на первую наложницу – с той же сосредоточенностью, с какой оттачивал свое мастерство, ставил эксперименты и учился. На этом дело не кончилось. Он позвал к себе Энсиро Хираоку, сказал ему:

– У нее вот такое тело, – и набросал что-то вроде распустившегося цветка ириса на листе рисовой бумаги.

Хираока оказался в весьма затруднительном положении, но Кэйки – без малейшего намека на улыбку – был так занят рисунком, что приближенный лишь вежливо поклонился ему.

Внимание Кэйки к деталям завело его еще дальше. Он достал краски и начал раскрашивать свой набросок, стараясь достичь правдоподобия. После каждого мазка оценивающе склонял голову, и так – пока не достиг полного сходства с моделью.

В итоге он произнес:

– Вот. Это Суко. Они все такие?

Хираока был не в состоянии ответить, поскольку никогда не разглядывал интимные места своей жены.

– Я не знаю, – застенчиво признался он, и тогда Кэйки впервые рассмеялся:

– Ну, тогда ты дилетант!

Был ли Кэйки попросту нескромным или же отсутствие чувства стыда присуще всем людям его положения – этого Хираока сказать не мог. В любом случае, ни разу в жизни он не попадал в такую ситуацию, когда язык отказывается повиноваться и человек двух слов связать не может.

И вот теперь Кэйки, обнимая Суко, снова и снова повторял, насколько все «нелепо», пока в конце концов женщина не выдержала. Стыдливо спрятав лицо в ладонях, она чуть слышно спросила:

– Господин, вы меня имеете в виду?

И только тогда Кэйки осознал, что говорит вслух. Но он не собирался открыто признаваться Суко в том, насколько несчастным чувствует себя, попав в немилость к сёгуну Иэсаде и его матери. Ответ его прозвучал весьма странно:

– Женщина – страшное создание.

Вдруг Суко, стенающая под его ласками, родит ему сына? Тогда, если он, Кэйки, станет сёгуном, именно этот ребенок будет его наследником, а Суко станет влиять на дела государства и займет положение, равное положению госпожи О-Мицу, то есть Хондзю-ин. Именно это он хотел сказать.

– Говорю же тебе, это сущая нелепица.

– Что? Вы о нас толкуете, господин?

Хотя Суко и была старше на два года, она не поспевала за резвыми скачками острого ума Кэйки. «Как нелепо, – думал он в тот момент, – что именно теперь, когда Япония стоит на пороге величайшего кризиса, бразды правления находятся в руках глупого сына и ничего не смыслящей матери». Над страной нависла угроза иностранного вторжения, нация была в опасности – и никто ничего не мог поделать. «Лишь бы меня не трогали», – вздохнул князь. Патриоты, «люди высокой цели», входившие и не входившие в правительство, хотели, чтобы он стал наследником Иэсады, тем самым превратился в доверенное лицо сёгуна и взял на себя контроль над делами государства. Но сам Кэйки ничего подобного не желал. Будучи весьма осмотрительным, в данном случае он подчинился инстинкту воина-ветерана – залечь на дно.

Однако на политической сцене в ту пору выступал один чрезвычайно деятельный человек, который был убежден, что сделать Кэйки Хитоцубаси наследником сёгуна крайне необходимо, причем срочно, – другого пути спасти нацию не существует, и неудача будет означать неприменный крах Японии. Человек этот пустил в ход все средства и силы, чтобы добиться своего. Кэйки конечно же не просил его помощи – молодой князь вообще лишь краем уха о нем слышал. Это был Ёсинага Мацудайра, хотя по большей части его знали как «воеводу Этидзэн». Позднее, во время Ансэйского террора 1858 года, он будет взят под домашний арест и примет имя Сюнгаку,[20 - По традиции государственные деятели в дореформенной Японии меняли личные (но не родовые) имена в связи с какими-либо важными событиями в жизни, переменами в судьбе.] под которым и войдет в историю.

Означенный Сюнгаку Мацудайра был даймё Этидзэн, княжества с доходом 320 000 коку, и главой клана Фукуи. Родился он в семействе Таясу, одном из «трех благородных домов» рода Токугава, и в возрасте семнадцати лет был усыновлен влиятельным кланом Мацудайра. Даймё, получавшие свой титул по усыновлению, обычно оказывались гораздо толковее и активнее, чем наследники крови, и мало кто из князей за два с половиной века правления Токугава обладал мудростью и дальновидностью Сюнгаку. Еще до появления Мэтью Перри и его «черной» эскадры Сюнгаку начал проводить в своем княжестве политику вестернизации; он хотел, чтобы местная экономика перестала целиком и полностью зависеть от риса и других зерновых, потому делал ставку на промышленность. Сюнгаку также являлся весьма прогрессивным общественным деятелем, который снизил в Японии смертность от оспы, силой насаждая прививки. Походил он скорее не на даймё, а на школяра, на страдающего идеализмом студента от политики. Каким бы одаренным руководителем ни был этот человек, он, остро ощущая нависшую над

страной угрозу иноземного вторжения, усиленно поддерживал политику закрытости и яростно защищал идеологию школы Мито (хотя позднее изменил свои взгляды).

Однажды поздно вечером Сюнгаку Мацудайра явился в резиденцию Хитоцубаси в женском паланкине. Как только он очутился в особняке, тут же попросил разрешения переговорить с Кэйки. То, что один даймё вот так запросто наведется к другому – дело само по себе неслыханное. Заверив сгрудившихся у входа взволнованных слуг, что, поскольку прибыл он инкогнито, никакой необходимости в соблюдении протокола или правил гостеприимства нет, Сюнгаку стремительно исчез во внутренних покоях.

– Я из Этидзэн. Мы встречались однажды возле уборной, – непринужденно представился он и весело поинтересовался, помнит ли его Кэйки. Смех у него был высоким, как у женщины.

Значит, это и есть воевода Этидзэн, подумал Кэйки. Будучи необычным даймё, Сюнгаку представлял семейство, следующее по рангу за «тримя знатными домами» и «тримя благородными домами».[21 - Фамилия Мацудайра была присвоена младшей линии (гокамон) потомков Иэясу Токугавы.]

– Смею надеяться, вам уже известно, что я делаю все возможное, дабы увидеть вас наследником сёгуна, – продолжал Сюнгаку. – Однако притом я слишком мало о вас знаю. Так дальше дело не пойдет!

После этого князь Этидзэн пояснил, что он явился сюда втайне от всех именно для того, чтобы повнимательнее присмотреться к Кэйки, и заговорил о нависшей над Японией угрозе, ответом на которую, по его мнению, был старинный девиз «Сонно дзёи» – «Чти императора, изгони варваров». Для предотвращения краха требовалось единовременно решить три задачи: укрепление национальной обороны, снаряжение японских воинов оружием западного образца и единство национального духа. Но даже если удастся достичь все три цели разом, с таким неполноценным правителем, как Иэсада, это ни к чему не приведет. Нужен кто-то еще, человек смелый и дерзкий, который смог бы выступить доверенным лицом сёгуна, возглавить объединение страны и борьбу княжеств с иноземными варварами. И единственная подходящая кандидатура – сам Кэйки Хитоцубаси. Вот почему он, Сюнгаку, горячий желанием спасти нацию, сконцентрировал все свои усилия на том, чтобы сделать Кэйки наследником сёгуна и без устали работал во всех направлениях, заручаясь поддержкой со стороны сановников

бакуфу, придворных дам и самых влиятельных даймё. Даже на подкуп шел, по его собственному признанию.

– И все же, – со вздохом заключил он, – я только одну вещь упустил – не сел лицом к лицу с избранником нации и не выразил ему своего глубочайшего уважения.

– Слишком много чести для меня, – растерялся Кэйки.

Сюнгаку провел в беседе с ним два часа и отбыл весьма довольный увиденным: молодой человек, на которого он возлагал надежды, оказался даже более талантливым и умным, чем о нем говорили.

«Что за околесицу он тут нес?» – покачал головой «избранник нации», когда гость удалился. Кэйки нашел его речи абсурдными. Забавно, что люди в поисках вождя обращают взоры к нему, Кэйки, когда он вовсе не желает брать на себя такую ответственность. Похоже, не только Сюнгаку Мацудайра, но и трое даймё из влиятельных княжеств Тоса, Сацума и Увадзима, не говоря уже обо всех патриотах, «людях высокой цели», вплоть до самого ничтожного и неприметного, спят и видят, чтобы Кэйки Хитоцубаси стал наследником Иэсады. Все они убеждены, что, стоит ему занять это положение, несчастья страны испарятся, словно капли росы в жаркий день.

Подтверждением этой наивной веры служит следующая история. После одной из побед, одержанных в борьбе за продвижение Кэйки к власти, Сюнгаку остановился в Тосе, чтобы поделиться радостной новостью с местным даймё, Тоёсигэ Яманоути, впоследствии принявшим имя Ёдо. А произошло вот что: один из членов высшего совета, Тадагата Мацудайра, не устоял под давлением Сюнгаку, принял от него подношение и согласился поддержать кандидатуру Кэйки. Обещание сановника, разумеется, ничего не стоило, но Сюнгаку, вечный школяр-идеалист, легко попался на удочку. Да и Ёдо оказался не лучше: услышав эту весть, он отставил чашку сакэ, вскочил на ноги и мелодраматично воскликнул:

– Страна спасена! – а затем, раскрыв веер, пустился в пляс.

Другой влиятельный человек, поддерживавший Кэйки, Нариакира Симадзу, князь Сацумы, пошел еще дальше. Среди прочих даймё из окружения Кэйки он

был самым прогрессивным, образованным, политически проницательным, и все это проявилось в одном весьма примечательном и ловком трюке: чтобы смягчить могущественных дам из Эдоского замка, настроенных негативно по отношению к Мито, он выдал свою приемную дочь за Иэсаду. В качестве его жены она могла беспрепятственно направлять волю слабоумного сёгуна в нужную сторону.

– Сёгун – человек больной. Я сочувствую тебе, но в первую очередь следует подумать о стране, так что можешь считать свой брак неизбежной жертвой во благо отечества, – с такими словами обратился Нариакира Симадзу к молодой женщине, умной и красивой дочери своего родственника. В свое время, узнав о ее незаурядных способностях, он удочерил девочку и дал ей имя Ацухимэ, более подходившее дочери даймё. Затем отдал ее на удочерение в семейство Коноэ, чьи мужчины имели право становиться регентами сёгуна, – таким образом она получила возможность выйти замуж за главу бакуфу.

Свадьбу устроил Масахиро Абэ, который занимал при сёгуне должность, равную по значению современной должности премьер-министра. Они с Нариакирой поклялись в вечной дружбе. Оба уважали друг друга за острый ум, и в то же время каждый из них старался использовать побратима в своих интересах. Сойдясь с Нариакирой Симадзу, князем Сацумы, Абэ нарушил многовековое табу. Еще со времен Иэясу одной из главных задач внутренней политики сёгуната была защита от возможного восстания двух крупных юго-западных княжеств из числа так называемых тодзама, «посторонних» или «внешних», [22 - То есть владений, чьи правители не являлись наследственными вассалами Токугава. В 1600 году тодзама-даймё сражались против Иэясу в битве при Сэкигахаре, лишь со временем покорились ему и впоследствии постоянно находились под подозрением бакуфу.] – Тёсю, где заправлял клан Мори, и Сацумы, принадлежавшей Симадзу. Наибольшее опасение вызывало то, что они могли объединиться с императором и встать в оппозицию сёгунату. Вот почему Иэясу завещал похоронить свое тело на горе Куно лицом на запад, навстречу опасности. Тем же самым руководствовались его последователи при возведении замков: ожидалось, что потенциальные враги бакуфу из Тёсю и Сацумы могут пробиться к столице по дороге, бегущей по берегу Внутреннего моря и соединяющей Киото с западными провинциями, а потому в Химэдзи, Осаке и Нагое выросли мощные форпосты, которые должны были встать на пути нашествия.

И теперь глава Сацумы вот-вот должен был заключить союз с первым человеком бакуфу, Масахиро Абэ. Более того, Абэ установил добросердечные отношения с

кланом Мито, который слыл ядовитой змеей, затаившейся в доме Токугава, а расстарался он так для того, чтобы в дальнейшем иметь возможность воспользоваться мощью Мито для отражения иностранной интервенции. Нет ничего удивительного в том, что Абэ из всех сил стремился устроить брак Ацухимэ с сёгуном Иэсадой, а Кэйки сделать его преемником.

Ко времени визита Сюнгаку к Кэйки в женском паланкине Ацухимэ уже стала третьей женой сёгуна.

– По-видимому, ей это нелегко далось, – разоткровенничался с Кэйки Сюнгаку Мацудайра, намекая на интимные отношения в браке. Неспособный к выполнению супружеских обязанностей, Иэсада не горел любовью к женщинам, их присутствие только раздражало его. Влиятельная мать сёгуна, Хондзю-ин, относилась к Ацухимэ с подозрением и старалась держать ее на расстоянии. – И все же, – добавил Сюнгаку, – теперь я точно знаю, что творится на женской половине дворца.

Конфиденциальные встречи с Ацухимэ, на которых присутствовал он сам или его представители, проходили в эдоской резиденции Мацудайра. Кроме того, Нариакира делился с Сюнгаку любой добытой информацией.

Эти политические интриги оставались для Кэйки тайной за семью печатями. Несмотря на утверждение Сюнгаку, что только он, Кэйки, способен спасти Японию, надежда нации не понимал, каким образом столь юный человек может так сильно повлиять на события.

– Ну разве это возможно? – спросил он однажды у Энсири Хираоки.

Преданный вассал сильно возмужал со времени своего поступления на службу к семейству Хитоцубаси. Несмотря на бесславное начало карьеры, когда он даже рис раздать не умел, к настоящему времени, благодаря своему достойному поведению, этот человек заслужил уважение всех патриотов и влиятельных людей, посещавших резиденцию Хитоцубаси. Хираока никогда не признавался в этом Кэйки, но на самом деле он являлся центральной фигурой в «рекламной кампании», развернутой для продвижения кандидатуры его хозяина на пост сёгуна. По просьбе Сюнгаку Хираока вел летопись ежедневной жизни Кэйки под заголовком «Изречения и деяния Кэйки Хитоцубаси». Сюнгаку заставлял своих вассалов переписывать листы и рассылать влиятельным сторонникам бакуфу, а

также всем даймё, с тем чтобы дарования Кэйки стали всеобщим достоянием. Сунгаку твердо вознамерился сделать из юноши героя, и Хираока верил, что его план сработает.

– Господин, – ответил он, – мне кажется, что степень влияния человека частенько основывается на его уверенности в себе. Вот что вам сейчас нужно. Если позволите сказать, то вы – величайший гений нашей страны со времен самого Иэясу. Вы, и только вы способны изгнать варваров, вернуть отечество к миру и процветанию, а также воплотить в жизнь чаяния императора.

– Нет, это задача для моего отца, – криво усмехнулся Кэйки. Он считал, что никто не в состоянии добиться большего общественного доверия, чем Нариаки. Многие патриоты считали главу дома Мито чуть ли не сверхчеловеком. Конфуцианское воспитание заставляло Кэйки преклоняться перед отцом, и все же до него начинало медленно доходить, что Нариаки совсем не таков, каким его считают окружающие, что за его спиной стоят мудрый Токо Фудзита и другие вассалы, благодаря усилиям и способностям которых он и вознесся до небес. Кэйки полагал, что образ его отца в сознании общественности – по большей части фикция, и от этой мысли ему делалось не по себе. – Я не желаю даже малой толики подобной славы, – заявил он.

Удивленный Хираока в момент наития осознал, что Кэйки начисто лишен честолюбия – скорее всего, это результат аристократического воспитания. Незаконные отпрыски любовниц влиятельных мужей зачастую вырастали людьми весьма амбициозными, но Кэйки был рожден от законной супруги отца. Аристократ безупречного происхождения, он всегда пользовался приличествовавшими его положению привилегиями, которые принимал как должное, так что ни обычного человеческого стремления к лучшей доле, ни особой нужды в этом он не испытывал.

Что-то надо делать, подумал верный вассал. Отмеченный в свое время за честность и прямоту, достойные мудрецов прошлого, Хираока начал осознавать рост собственных амбиций. Если Кэйки станет сёгуном, ему, Хираоке, будет поручено вести текущие дела государства. Для человека нет ничего приятнее, чем воплощать в жизнь свои идеи, не говоря уже о внутреннем удовлетворении от достижения столь высокого положения. Но чтобы эти сладостные мечты превратились в реальность, прежде всего надо сделать Кэйки наследником сёгуна.

Не только Сянгаку, но и весь дом Мито неустанно плели закулисные интриги, чтобы услышать наконец, как Кэйки провозгласят преемником Иэсады. Нариаки прилюдно заявлял, что не имеет к этому никакого отношения. На деле, однако, тайные маневры шли полным ходом. Сам Нариаки обладал задатками великого конспиратора. Он назначил Токо Фудзиту и Тадамасу Тоду ответственными за политическую игру, и вместе заговорщики разработали секретный код, которым надлежало пользоваться в разговорах и при письменных сношениях.

Кэйки было присвоено кодовое имя Амииса, вероятно, из-за того, что он обожал ловить рыбу сетью – «или». Сам Кэйки, понятия не имевший о своем тайном имени, узнал о коде, случайно застав Хираоку за чтением записной книжки, странички которой были испещрены знаками катакана,[23 - Катакана – одна из двух японских слоговых азбук.] как будто подобранными наугад.

– Что это? – удивился молодой человек, выхватив записную книжку у Хираоки из рук.

Тот на мгновение пришел в замешательство, но быстро собрался с мыслями и сказал правду.

– Господин, – добавил он, – вы должны подготовиться к тому, что вас ожидает.

Кэйки побледнел и поморщился от отвращения:

– Это слова предателя!

Он удалился в свою комнату и набросал сердитое послание отцу. «Ходят упорные слухи, что меня хотят сделать преемником сёгуна, – идея, которая мне претит, – писал он. – Если под этими слухами имеются основания, я прошу, чтобы вы немедленно выступили с опровержением».

Письмо это он доверил не мужчине, а женщине по имени Карахаси (которая вообще не питала каких бы то ни было политических пристрастий), с тем чтобы послание его не перехватили по дороге и не прочли. Карахаси была дочерью вельможи из Киото; и, хотя многие исторические источники называют ее «старухой», на самом деле ей в ту пору едва исполнилось двадцать два года.

Когда Кэйки, Микако, приемная дочь регента Тадаки Итидзё, отправилась в свадебное путешествие из столицы в Эдо, Карахаси сопровождала ее. Теперь она являлась старшей управляющей домашними делами в семействе Хитоцубаси и, если Кэйки становился сёгуном, автоматически поднималась до тюрю, а то и выше, – положение, равнозначное титулу даймё для мужчин.

Энсиро Хираока частенько предупреждал Кэйки, чтобы тот «держал Карахаси в чистоте и непорочности». Если бы князь посягнул на интимные отношения с ней, она лишилась бы права вести хозяйство, когда он станет сёгуном. Подобного рода предупреждения доказывают, что Энсиро Хираока в душе ужасался масштабам распутства Кэйки. «У его светлости сильное либидо», – приговаривал он. Само по себе это было совсем неплохо для мужчины, особенно для даймё, но Хираока сожалел, что необычайное жизнелюбие Кэйки не могло трансформироваться в общественные амбиции. Более того, он чувствовал, что такой человек, как Кэйки, просто не имеет права закончить свои дни безропотным даймё, которого интересует только продолжение рода.

«Знаю, знаю», – кивал Кэйки, когда ему напоминали о необходимости избегать интимной близости с Карахаси. Но женщина эта отличалась редкостной красотой, и противостоять искушению было не так уж легко. Ростом она, правда, не вышла, зато руки у нее были совершенной формы, а пальчики – длинные, изящные и тоненькие, словно палочки для еды. Кэйки поражало, как женщина с такими пальцами может ловко и энергично управляться со своей работой. «Интересно, как она сложена? – не раз задавался князь вопросом. – Как у нее все остальное выглядит?» При виде Карахаси он приходил в трепет, волна любопытства накрывала его с головой. Эта странная одержимость была сродни любви. Любой мужчина положения Кэйки всегда легко удовлетворял свои физические потребности, без каких-либо переживаний, сантиментов и романтической привязанности. Почти все женщины-служанки Кэйки становились объектом его вожделения. Хираока считал подобное поведение элементарной распущенностью.

– Я хочу, чтобы ты позволила мне воспользоваться услугами Карахаси, – объявил Кэйки своей жене. Поскольку Карахаси являлась служанкой его супруги, приказ доставить письмо адресату должен был исходить лично от нее.

Выслушав инструкции Микако, Карахаси села в женский, отделанный серебром паланкин и отправилась с письмом в особняк Мито в Комагомэ. Вернулась она вечером и дала Микако отчет, но казалась какой-то странной: дыхание ее было

прерывистым, и выглядела она расстроенной. Когда хозяйка спросила, в чем дело, женщина лишь покачала по-детски головой, не поднимая взгляда. Карахаси плакала.

Вскоре все прояснилось. Кэйки передал ей, что, поскольку письмо не предназначено для посторонних глаз, она должна испросить разрешения лично пройти в резиденцию его отца и проследить за тем, чтобы он вскрыл послание в ее присутствии. Так она и поступила. Нариаки принял ее в чайном павильоне. Внимательно прочитав послание, он поблагодарил Карахаси и... внезапно заключил ее в свои объятия. «Так сказано в письме, – зашептал он. – Ты должна подчиниться моей воле». Старейшина Мито дал бедняжке понять, что сын преподнес ее, Карахаси, ему в дар, а потом вручил послание девушке, чтобы она доставила его в усадьбу клана. Позднее, отвечая на вопросы Микако, Карахаси призналась, что сопротивлялась, но тщетно. Если бы ее изнасиловали без комментариев, она бы ничего не сказала госпоже, во всем обвинив себя и отнеся этот факт на счет своей неопытности. Но дело обстояло совершенно иначе: оказывается, Кэйки подарил ее своему отцу, да еще письмо сопроводительное написал. Карахаси чувствовала, что ее предали.

– Как такое возможно! – убивалась она, растягивая слова с киотоским акцентом, и обливалась слезами. Кэйки всегда казался ей самым благородным мужчиной на свете; она даже была тайно влюблена в него. Ей и в страшном сне не могло привидеться, что он так грубо отплатит за доверие.

Когда Кэйки услышал от жены эту историю, настал его черед разъяриться из-за предательства. Нариаки был для него не только отцом, но и добрым товарищем. А чтобы один даймё изнасиловал женщину другого – дело неслыханное!

«Так вот каков мой отец на самом деле», – с отвращением подумал Кэйки. То, что Нариаки был известным развратником, казалось ему несущественным. Но чтобы мужчина обратился к столь гнусной уловке, стремясь совратить женщину?! Кэйки как будто душок от его внутренностей учуял. Он изо всех сил старался побороть свои эмоции. Будь он безрассудным даймё Эпохи воюющих провинций,[24 - Эпоха воюющих провинций (Сэнгоку дзидай) – период с конца XV по конец XVI века, в течение которого в Японии шла борьба за перераспределение феодальной власти.] мог бы запросто выразить свое негодование напрямую, не испытывая при том никаких угрызений совести. Но Кэйки родился на закате эры Токугава, когда повсеместно насаждалось конфуцианское учение с его акцентом на сыновнюю преданность. Все

образование сына Нариаки было насквозь пропитано конфуцианской моралью. Более того, это было время, когда образование определяло поведение и поступки человека. Кэйки считал, что обязан держать свои эмоции при себе. Иначе поступить он просто не мог.

– Отец – истинный воин, – сказал он своей жене, когда пришло время дать объяснение. – Даже теперь случается так, что боевой дух и воинские инстинкты берут верх над этикой – для полководцев Эпохи воюющих провинций это было делом обычным. В любом случае, поверь мне, в том письме не было ничего такого, что могло завлечь Карахаси в ловушку, – закончил он, а сам отметил про себя: «Отца надо остерегаться».

И был абсолютно прав: Нариаки не следовало недооценивать. Получив письмо Кэйки, старик немедля сделал копию и переслал ее своим соратникам Тоде и Фудзите, прибавив в конце: «Вот подлинные слова Амиисы. Если подобные слухи дошли даже до его ушей, нам остается только порадоваться. Это служит доказательством тому, что наше стремление сделать его наследником сёгуна близко не только узкому кругу заговорщиков – оно обретает поддержку в обществе».

Однако в стенах Эдоского замка набирало обороты движение в поддержку малолетнего Ёситоми Токугава из дома Кири, которое, похоже, и должно было в итоге одержать верх, тем более что движение это держалось в строжайшей секретности. Любой здравомыслящий человек понимал, что означенный Ёситоми, мальчик двенадцати лет, не сможет встать во главе трехсот даймё и помочь им благополучно пережить время национальных бедствий. Более того, если его изберут главой рода Токугава, то Кири сами останутся без наследника. В любом случае, Ёситоми был совершенно неподходящей кандидатурой на пост сёгуна.

И все же некоторые политики вознамерились во что бы то ни стало сделать следующим сёгуном именно Ёситоми, и никого другого. Люди, отобравшие бразды правления у неполноценного сёгуна, привыкли руководить страной так, как сами того желали, и если они хотели войти в следующую эру, оставаясь на прежних постах, то сообразительный, способный правитель, готовый провести реформы, их абсолютно не устраивал. А вот ребенок идеально отвечал их требованиям. Кроме того, от Кэйки Хитоцубаси за версту несло политикой. Даже если он сам и не имел никаких амбиций, за ним стояло семейство Мито, и Нариаки наверняка рассчитывал занять не последнее место в государстве.

Фракция Кии называла Нариаки Драконом Зла. И этот самый Дракон Зла готовился взлететь на самую вершину и захватить всю власть в свои руки.

Как бы там ни было, последнее слово оставалось за сёгуном Иэсадой, которому матушка, Хондзю-ин, без устали нашептывала: «Если вы выберете в наследники князя Хитоцубаси, я перережу себе горло и умру. Неужто вы, зная об этом, отдадите ему предпочтение?» Для нее Кэйки был всего лишь сыном Дракона Зла.

Единственным лучиком надежды для государственных мужей, ратовавших за Кэйки, оставался Масахиро Абэ.

«Я поговорю с сёгуном, как только представится подходящий случай», – обещал он Сюнгаку и всем остальным. Но «подходящий случай», похоже, так и не представился – Иэсада был не способен адекватно воспринимать человеческую речь и напрямую общался лишь со своей матерью и няней. Мечтам заговорщиков, таким образом, суждено было осуществиться лишь при одном условии: если действующий сёгун умрет молодым.

Но вышло так, что внезапную смерть принял сам Масахиро Абэ, причем раньше Иэсады. Было ему всего тридцать восемь лет. Кончина Абэ означала крах надежд на то, что Кэйки станет четырнадцатым сёгуном. Следующий шанс выпал только через десять лет.

IV. Ансэйский террор

Сторонники Кэйки были настроены весьма решительно и не думали отступить. Даже смерть Масахиро Абэ их не обескуражила. А поскольку они руководствовались патриотическим рвением, а не личными интересами, оппозиционная фракция не могла выступить против них открыто. Кэйки получил единодушную поддержку не только со стороны группы молодых и толковых чиновников бакуфу, на него также возлагали надежды большинство даймё. Даже придворная знать и принцы крови в Киото возносили молитвы, мечтая о том, чтобы поскорее пришло время князя Хитоцубаси. Но лишь немногие из этих энтузиастов видели самого героя нации, не говоря уже о том, чтобы иметь с ним личную беседу. Более того, молодость Кэйки означала, что выдающихся

достижений за ним не числится, он даже не написал ни одного существенного труда, по которому можно было бы судить о его умственных способностях. Общественное мнение создало образ героя на основании слухов. Молва о необыкновенной одаренности, храбрости и находчивости Кэйки распространилась повсеместно, подогревая воображение публики. «Люди высокой цели» видели в нем вождя, призванного спасти нацию. Они возвысили его в собственных глазах, возвели на пьедестал и яростно поддерживали.

Неизвестно, найдется ли в истории еще хотя бы один пример тому, как человек становится национальным героем столь необычным способом. Даже сам Кэйки был ошеломлен поднятой вокруг его имени шумихой. «Массовое сумасшествие», – твердил он сам себе.

Будучи человеком проницательным, Кэйки прекрасно понимал, что происходит. Оказавшись перед угрозой иностранного вторжения, нация трепетала от страха, предчувствуя падение империи. Находясь в состоянии напряжения и ужаса, терзаемый дурными предчувствиями народ жаждал узреть спасителя, который переложил бы его заботы на свои плечи и дал бы людям вздохнуть с облегчением. Твердо уверенные в том, что такой герой вот-вот появится, они зациклились на нем, Кэйки, возомнили его человеком времени и позволили своим иллюзиям взять верх над разумом. Положение сложилось хуже некуда.

«Даже если мне действительно суждено стать «великим полководцем, покорителем варваров», я все равно не смогу ничего изменить», – не раз повторял он в разговорах с Энсиро Хираокой.

Но его сторонники не принимали эти слова во внимание и в отчаянии перенесли свою рекламную кампанию в Киото, во дворец императора, предлагая назначить Кэйки преемником сёгуна высочайшим указом. Подобных нелепых прецедентов еще не случалось.

И все же вскоре наступили перемены. В высших эшелонах бакуфу появился новый сановник по имени Наоскэ Ни, даймё могущественного княжества Хиконэ, но, несмотря на это, человек мало кому знакомый. Тому, что до момента своего назначения он пребывал в безвестности, легко найти объяснение.

Четырнадцатый сын предыдущего князя Хиконэ, Наоскэ находился в полной зависимости от родителей до тридцатилетнего возраста, тихо жил на скромное жалованье, предавался изучению классической поэзии, чайной церемонии и другим художественным изыскам. Он также являлся знатоком японского языка,

и из-под его пера выходили прелестные произведения в прозе. Наоскэ не единожды делал попытки породниться с другими даймё, но каждый раз переговоры срывались. Затем он замыслил стать приемным сыном настоятеля буддийского монастыря в Нагахаме, что неподалеку от Хиконэ, но и этот план потерпел неудачу.

И только после ряда смертей судьба наконец-то улыбнулась Наоскэ Ни. Сперва занемог и умер сын его старшего брата Наоаки, главы княжества, в результате чего брат был вынужден объявить Наоскэ своим наследником. Затем болезнь унесла жизнь самого Наоаки, и тридцатипятилетний Наоскэ встал во главе клана Ии с изрядным доходом в 350 000 коку. Когда он послал тридцать золотых слитков Тадагате Мацудайре из совета старейшин сёгуната в качестве вступительного взноса, чтобы иметь возможность приобщиться к политической жизни Эдо, сановники не желали принимать его, поскольку считали человеком праздным, который только и думает что о чайных церемониях и составлении букетов. И тем не менее означенный Наоскэ Ии совершил фантастический скачок во власть – в двадцать третий день четвертого лунного месяца пятого года Ансэй[25 - В Японии до сих пор широко применяется система летосчисления по годам или девизам правлений императоров. Эра Ансэй началась в ноябре 1854-го и закончилась в марте 1860 года.] (13 мая 1858 года) его назначили на пост тайро, «великого старейшины» бакуфу, и он извлек из своего нового положения все возможное, сделавшись в дальнейшем фактическим диктатором Японии.

До и после головокружительного взлета к вершинам власти Наоскэ Ии был крепко связан с Кию. Совместно с представителями этого клана и дворцовыми сановниками он разработал секретный план, целью которого было избрание наследником двенадцатилетнего Ёситоми Токугава, рожденного в доме Кию, в княжестве Вакаяма. Новоявленный тайро питал глубокую неприязнь к Мито вообще и к отцу Кэйки, Нариаки, в особенности. Ии стоял за сохранение традиций. Он полагал, что личные качества будущего правителя не имеют никакого значения. Не всех сёгунов можно было признать одаренными людьми, и все же правление Токугава длилось к тому времени более двухсот лет – довольно показательный факт. И все потому, что даймё и вассалы бакуфу свято чтити кровь Токугава. Ёситоми, внук Иэнари, одиннадцатого сёгуна из этого дома, находился в более близком кровном родстве с главной линией Токугава, чем Кэйки Хитоцубаси. Этого было вполне достаточно, чтобы решить, кто больше подходит на пост сёгуна. Если наследником станет мужчина отдаленного родства, дом Токугава потеряет свою мистическую защиту. Кроме того, массы выступали за Кэйки только потому, что он был яркой личностью. Нет ничего более вредоносного для стоящих у власти, чем поддаться требованиям

народа возвести на престол того правителя, который ему по душе. Если низшее сословие возомнит, что способно взять на себя право избирать правителей, это не приведет ни к чему, кроме гражданских волнений.

Именно такие консервативные взгляды и заставили Наоскэ Ии горой стоять за Ёситоми, но при этом он держал свои мысли при себе и помощь в деле осуществления плана оказывал тайно.

Сюнгаку Мацудайра встретился с новым тайро, не имея ни малейшего понятия об этой его позиции, и попытался склонить его на сторону Кэйки. Ни к чему определенному они не пришли, и у Сюнгаку сложилось впечатление о Наоскэ Ии как о человеке надменном и властном, ничуть не заботящемся о своем государстве.

Тайро Ии частенько отсылал под разными предлогами всех приближенных сёгуна и вел с Иэсадой беседы наедине в попытке заставить его сформулировать мнение по поводу наследника.

– А теперь скажите мне, ваше превосходительство, кто вам больше нравится, князь Кию или князь Хитоцубаси? – терпеливо спрашивал он, словно разговаривал с малым ребенком.

И каждый раз Иэсада отвечал:

– Мне нравится Кию. Мне не нравится Хитоцубаси.

Тайро дважды проделывал этот трюк – впервые 18 июня, затем повторил 23-го. Естественно, все происходило без свидетелей.

Наоскэ Ии не стал делать официальных заявлений, вместо этого распустил слухи о предпочтениях сёгуна. В то же время он начал потихоньку смещать с должностей сторонников Кэйки, многие из которых являлись самыми компетентными чиновниками бакуфу. Баланс сил был нарушен.

Между тем полным ходом шли переговоры о подписании торгового соглашения с консулом Соединенных Штатов Таунсендом Харрисом – еще одна важная тема, которая тесно переплеталась с вопросом о выборе наследника сёгуна. Угроза

Харриса призвать на помощь американский военно-морской флот привела к желаемому результату. Ии был уверен, что во избежание вооруженного нападения противника, значительно превосходящего по силе, нужно принять срочные меры, и 29 июля 1858 года, через пять лет после появления Перри у берегов Японии и всего через два с половиной месяца после назначения Ии на пост тайро, договор был подписан – без соответствующей санкции императора.

На следующий день Ии воздержался от визита в Эдоский замок, сказавшись больным, и остался дома, с нервной дрожью ожидая, в какую сторону качнется общественное мнение. Прослышав о протестах разъяренной оппозиции, он тотчас явился в замок и уволил двух министров, которые прорабатывали детали этого договора. Одним из них был Тадагата Мацудайра, порекомендовавший его на пост тайро. Было ясно, что Ии решил переложить всю ответственность за столь непопулярный политический шаг на плечи своих подчиненных.

– Какое беззаконие! – воскликнул Кэйки, которому к тому моменту уже исполнился двадцать один год. Именно тогда он впервые выступил на политическом поприще. Кэйки поддерживал теорию Мито о государстве, согласно которой настоящим правителем Японии является император, наделивший бакуфу властью решать государственные дела. Конечно же Иэясу и в мыслях не держал ничего подобного, когда основывал сёгунат Токугава, но Мито и их сторонники твердо придерживались этой точки зрения, и теперь, когда угроза западного вторжения стала реальностью, их теория легла в основу веры наиболее радикально настроенной части населения. – Князь Ии должен ответить за пренебрежение волей императора, – заявил Кэйки.

Наоскэ Ии все устроил так, как будто сам сёгун проигнорировал волю Небесного государя и принял решение в масштабе национальной политики единовластно. Если оставить все как есть, люди начнут считать подобные выходки со стороны бакуфу нормальными, и теория Мито о передаче власти будет дискредитирована.

– Я собираюсь в замок. Поставьте Ии в известность, – приказал Кэйки Энсиро Хираоке, который, в свою очередь, предупредил об этом чиновников бакуфу и сделал все необходимые приготовления.

Поездка Кэйки в Эдоский замок была назначена на 2 августа, четвертый день после подписания договора.

Вскоре повсеместно – и в бакуфу, и за его пределами – распространились слухи о том, что Кэйки Хитоцубаси собирается разоблачить тайро. Это была настоящая сенсация. Говорили, что самого Ии «словно громом поразило». Семействам из рода сёгуна полагалось находиться вне политики, они не имели ни права голоса, ни влияния. Где это видано, чтобы представитель дома Хитоцубаси явился в замок и стал требовать аудиенции? Ии находил подобное поведение возмутительным.

Тем не менее в назначенный день Кэйки прибыл в замок. После недолгого отдыха в приемной, где ему подали чай, замковый бодзу провел его по коридору во внутренние покои. Там гостя ожидал тайро Ии, опустившийся согласно этикету на колени; он низко поклонился, коснувшись лбом пола, и долго пребывал в этой позе, прежде чем поднять голову. Молодой человек объявил: «Я Кэйки». Наоскэ снова простерся перед ним, затем сел прямо, разглядывая гостя и негодуя про себя: «Ну-ну. Упрямый юноша».

Кэйки, в свою очередь, изучал массивное лицо дородного Ии с непропорционально узкими глазками и думал, что этот человек больше похож не на благородного даймё, а на старшину рыбацкой ватаги из деревни.

Многие поколения дом Ии главенствовал над прочими семьями рода Токугава. Со времен эпохальных битв при Сэкигахаре и Осаке[26 - В сражении возле деревни Сэкигахара в 1600 году Иэясу Токугава разбил западную коалицию, возглавлявшуюся полководцем Мицунари Исидой, и стал фактически единоличным правителем страны. После того как в 1603 году он объявил себя сёгуном, даймё из западных земель снова объединились вокруг его противника Хидэёри Тоётоми и заняли оборону в Осаке. Длительная осада и штурм замка принесли Иэясу очередную победу, которая ознаменовала собой превращение Японии в централизованное государство.] самураи Ии удостоивались чести служить в авангарде на полях сражений, и только мужчины из кланов Ии и Сакаи могли занимать пост тайро. Наоскэ неожиданно стал главой дома Ии, и с тех пор жизнь новоиспеченного богатого даймё пошла как по маслу. Положение, в котором он оказался, было для него новым и захватывало воображение, сила и власть кружили голову, а в душе разгорались пока еще смутные амбиции и страсти. Наоскэ, вне всякого сомнения, лелеял смехотворную идею, что, будучи главой клана Ии, он, и только он один, обязан грудью встать на защиту рода Токугава. Этим и объясняется его враждебность по отношению к Мито, решил Кэйки.

Что же касается Наоскэ, для него проимперские пристрастия Мито представлялись настоящим предательством. И теперь, глядя на Кэйки, Наоскэ думал только о силе стоявшего за спиной юноши клана. «Вот он каков, их Кэйки, – думал тайро, внимательно разглядывая посетителя. – На лице и в сердце – печать ума и благородства, манеры настоящего аристократа. И все же он всего-навсего ребенок. Ничего серьезного от него ожидать не приходится».

Пока Наоскэ Ии предавался размышлениям, Кэйки заговорил. К величайшему удивлению собеседника, начал он с формальных комплиментов:

– Недавно почтенный господин получил пост тайро. Приятно сознавать, что в наши трудные времена необычайная преданность почтенного господина оценена по достоинству. – Несмотря на заключенную в этих словах фальшь, речь Кэйки текла плавно и непринужденно, была безупречно вежливой, а голос – бодрым и веселым, причем в каждой нотке слышалась внутренняя сила. На сцене он, вне всякого сомнения, стал бы ведущим актером.

Ии был вынужден поклониться, как того требовал этикет, показывая, что якобы тронут этой данью уважения.

Кэйки тем временем продолжал:

– Многие поколения клан Ии находился в особых отношениях с домом Токугава, и у всех нас становится тепло на сердце, когда мы видим, что почтенный господин несет свою службу с тем же радением, что и его великие предки.

Наоскэ расслабился. Довольная улыбка, которой он ответил Кэйки, выдала его удивительное простодушие.

– Я не заслуживаю той величайшей ответственности, которая так неожиданно упала на мои плечи, но сделаю все от меня зависящее, дабы с честью выполнять свои обязанности. – В душе тайро был поражен изяществом и политической зрелостью приветствия столь юного человека.

Затем Кэйки перешел к главной теме. В голосе его зазвучали ледяные нотки – словно осенним морозцем повеяло. Упреки его были чрезвычайно логичны и высказаны с такой скоростью, что слушатель даже глазом моргнуть не успел. Кэйки обвинил Наоскэ в неслыханном преступлении – нарушении воли Небесного

государя, а также в откровенном нежелании увидеть и признать свою неправоту, о чем яснее ясного говорило то, как был представлен в Киото отчет о подписании торгового соглашения – без соблюдения приличествующего случаю церемониала, словно это какой-нибудь законопроект. О чем только думал князь Ии?

– Можно ли считать подобное отношение почтительным? – задал вопрос Кэйки и сам же ответил: – Думаю, что нет. Я прав? А?

Некоторое время молодой человек продолжал в том же духе. Он не стал бросаться абстрактными обвинениями – изложил факты и потребовал от собеседника ответа по каждому пункту.

Реакция Наоскэ Ии была довольно странной. Он знай себе повторял, складываясь пополам:

– Прошу прощения. Покорно прошу прощения.

Оправдательных речей тайро не произносил, голос его был необычайно жалобным – полная противоположность грозной внешности, – как будто котенок мяукал. Несмотря на литературный талант, Наоскэ не владел искусством ведения логических споров, был не в состоянии мгновенно приводить связную аргументацию и опровергать доводы противника; этим и объясняется, по крайней мере отчасти, его столь скромное поведение.

И все же нет никакого сомнения в том, что, по сравнению с дошедшим до белого каления, перевозбужденным Кэйки, Наоскэ Ии гораздо лучше управлял своими эмоциями и его манера держаться куда больше соответствовала той, каковая подобает государственному деятелю. Он решил во что бы то ни стало уклониться от ответов. За спиной у Кэйки стоял клан Мито и решительно настроенные даймё. Бросаться фразами, пусть даже вполне невинными, было рискованно, поскольку в дальнейшем это могло обернуться против самого тайро. Кроме того, какой смысл вступать в дискуссию с таким молокососом?

Натолкнувшись на молчание Наоскэ, Кэйки растерял весь пыл и тоже замолчал. Писклявый голос собеседника, извинявшегося на все лады, выводил его из себя, и в итоге молодой человек решил сменить тему.

– Что касается выбора наследника... – Кэйки смутился, услышав собственные слова, – тема казалась абсолютно неуместной. Однако, начав говорить, он не мог остановиться на полпути. Призвав на помощь всю силу красноречия, коим был одарен от рождения, Кэйки продолжил, высказавшись прямо, но почтительно: – Позволю себе осведомиться у почтенного господина: какое решение принял сёгун?

Записи беседы свидетельствуют, что при этом «лицо тайро внезапно сделалось пунцовым». Очевидно, Ии не смог скрыть своего волнения, когда услышал этот вопрос не от кого-то, а именно от Кэйки. Он низко поклонился и снова забормотал:

– Прошу прощения, нет мне оправдания.

Кэйки криво усмехнулся:

– Полно вам, незачем так смущаться. Это останется между нами, – и поинтересовался, напустив на себя безразличный вид: – Он еще ничего не решил?

Но ответ был все тем же – низкий поклон и извинение.

Кэйки понял, что ничего большего от собеседника не добьется. В итоге он собрал все свое мужество и произнес:

– По слухам, сёгун остановил свой выбор на князе Кию. Это правда?

На сей раз Наоскэ поднял голову и внимательно изучил выражение лица гостя, прежде чем кивнуть, подтверждая его слова.

Кэйки попал в довольно щекотливое положение, но он был прирожденным актером и умел с честью выйти из любой ситуации. Лицо его просияло, в голосе зазвучало нескрываемое удовольствие:

– Великолепно! Вот повод для радости!

Слухи на эту тему ходят весьма противоречивые, пояснил далее молодой князь, упоминается даже его собственное имя, потому он так и разволновался, но ничто не может порадовать его больше, чем новости о том, что все благополучно разрешилось. Чудесно! Кстати, ему говорили, что юный князь Кии страдает эпилепсией, но на днях он случайно наткнулся на него в замке, и тот совершенно не выглядел больным и даже показался ему довольно рослым для своего возраста. И это тоже просто замечательно. Некоторые полагают, что двенадцатилетний ребенок не годится на подобный пост, но, если у него будет такой помощник, как тайро Наоскэ Ии, все образуется и пойдет на лад.

– И, – заключил Кэйки, уже на другой нотке, – почтенный господин может не сомневаться: я тоже буду к услугам сёгуна в любом деле и приложу столько усилий, сколько потребуется. – Таким образом, он закончил свою речь заверением, что готов стать для нового военного правителя самым преданным вассалом.

Выслушивая поток льстивых слов, Наоскэ снова растаял на мгновение, потерял было бдительность, но быстро пришел в себя и принялся болтать с гостем, расточая фальшивые улыбки. Во время этого сумбурного разговора Кэйки как бы невзначай осведомился, кто встанет во главе семейства Кии, поскольку место это теперь, само собой, будет вакантным.

Очевидно, Ии пока еще не задумывался над этим вопросом. Он поперхнулся, затем с улыбкой склонил голову набок, словно старый кот, и некоторое время изучающе смотрел на Кэйки. Молодой человек ощутил внутреннюю дрожь. Всю оставшуюся жизнь он не мог забыть эту улыбку – и заискивающую, и угрожающую одновременно.

– А сами вы не испытываете подобного желания? – спросил Ии.

Другими словами, сановник хотел знать, не рассматривал ли Кэйки возможность стать даймё Кии. Поскольку сам он был вынужден большую часть жизни из-за низкого происхождения матери провести в тени, Ии нисколько не сомневался, что перед подобным предложением невозможно устоять. Если Кэйки заинтересуется, он с радостью сделает все от него зависящее, вкрадчиво пообещал тайро, чуть было не хлопнув собеседника панибратски по колену.

Для Кэйки это стало последней каплей. На мгновение он лишился дара речи, но затем твердо отказался.

– У меня нет никакого желания покидать дом Хитоцубаси, – заявил он, тщательно подбирая слова. – Именно поэтому я объявил, что не буду приемным сыном дома Токугава, не говоря уже о Кию!

Кэйки покинул замок. Вернувшись в свою резиденцию, он, как обычно, сохранял полное молчание, но Энсиро Хираока так настойчиво расспрашивал его о тайро, что в итоге молодой князь сдался и ответил начистоту:

– Человек решительный, но лишенный мудрости.

Вот такое мнение сложилось у него о Наоскэ Ии. Этот государственный муж откровенно заискивал перед ним, но Кэйки слышал, что со всеми, кто стоит ниже «великого старейшины» бакуфу, он общался с нескрываемой надменностью. Всякий, кто подхалимничает с вышестоящими и унижает нижестоящих, лишен уверенности в собственных силах и некомпетентен – так учил его когда-то старый наставник Кандзабуро Иноуэ.

– Я бы сказал, что на этого сановника не стоит обращать особого внимания, – подвел итог Кэйки.

Но вскоре он понял, что человека стоит оценивать не по его замыслам или умственным способностям, но по той власти, которая сосредоточена в его руках. Вскоре после беседы в Эдоском замке Наоскэ Ии стал вдохновителем жестоких репрессий, вошедших в историю под названием Ансэйский террор, по девизу правления того времени. За весь период существования Япония не видела столь вредоносного, беспощадного и кровавого политического произвола.

Нет, даже не политического. Никакого прямого отношения к политике это не имело. Мотивы Наоскэ были куда более простыми: обыкновенная месть. С его точки зрения, Нариаки из Мито долгие годы планировал оттеснить от власти главную ветвь древа Токугава и упорно шел к своей цели, изобретая одно средство за другим. Тайро был твердо уверен в этом, но без доказательств его мнение оставалось всего лишь ничем не подтвержденной теорией. Плоть и кровь ей придал вассал Наоскэ, Сюдзэн Нагано.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сёгун – сокращение от «сэйи тайсёгун», «великий полководец, покоритель варваров» (яп.) – с 1192 года звание военных правителей Японии из феодальных кланов Минамото (1192–1333), Асикага (1335–1573) и Токугава (1603–1867). Сёгунам принадлежала фактическая власть над страной, в то время как императору отводилась чисто «декоративная» функция.

2

Даймё – владетельные князья (яп.)

3

В Эдо находилась ставка всех сёгунов из рода Токугава.

4

Комон Мито – прозвище Мицукуни Токугавы (1628 – 1700), второго главы самурайского дома Мито и основателя школы изучения национальной науки.

5

Бакуфу – «полевая ставка» (яп.) – то же, что сёгунат, военное правительство, возглавляемое сёгуном.

6

Небесный государь (тэнно) – обозначение японских императоров, указывающее на божественное происхождение императорского рода.

7

Шестнадцатилепестковая хризантема – герб японского императорского дома.

8

Токугава Иэясу (1542–1616) – самурай клана Имагава, участвовавший в борьбе за власть и объединение Японии наравне с выдающимися полководцами Нобунагой Одой и Хидэёси Тоётоми. В 1603 году был провозглашен сёгуном.

9

Четверокнижие и Пятикнижие общие названия книг конфуцианского канона. Четверокнижие включает в себя «Да сюэ» («Великое учение»), «Чжун юн» («Середина и постоянство»), «Лунь юй» («Суждения и беседы», изречения Конфуция) и «Мэн-цзы» (сочинение философа Мэн Кэ, второго идеолога раннего конфуцианства). Пятикнижие «И цзин» («Книга перемен»), «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга документов»), «Ли цзин» («Книга ритуалов») и «Чунь цю» («Весны и осени»).

10

Куклы – хина обрядовые куклы для Праздника девочек (Хинамацури), который с давних времен традиционно устраивается в Японии в начале весны, на третий день третьего месяца.

11

«Черными» японцы называли все корабли западных держав.

12

Это произойдет в 1853 году. Американская военная эскадра под командованием Перри должна была заставить японское правительство отказаться от политики изоляции, которой оно придерживалось с 30-х годов XVII века, и установить торговые и дипломатические отношения с США.

13

Коку – мера риса; во времена Токугава. Один коку равнялся примерно 180 кг. Жалованье самураев и зажиточность даймё исчислялись в коку.

14

В Киото находилась резиденция императора.

15

Император Годайго (1288–1339) в 1-й четверти XIV века возглавил антисёгунекий заговор, был отправлен в ссылку и начал войну с камакурским бакуфу и правящим военным домом Ходзё. Полководец Такаудзи Асикага (1305–1358) поначалу поддерживал мятежного императора, но в 1335 году отрекся от него и основал новый сёгунат.

16

Полководец Масасигэ Кусуноки, выступавший на стороне Годайго, принял сражение с войсками дома Ходзё; потерпев поражение, прикрыл отступление императора и покончил с собой.

17

Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

18

Кэн – японская мера длины, равная 1,81 м.

19

Кампаку – высшее правительственное звание в Японии IX–XIX века, канцлер.

20

По традиции государственные деятели в дореформенной Японии меняли личные (но не родовые) имена в связи с какими-либо важными событиями в жизни, переменами в судьбе.

21

Фамилия Мацудайра была присвоена младшей линии (гокамон) потомков Иэясу Токугавы.

22

То есть владений, чьи правители не являлись наследственными вассалами Токугава. В 1600 году тодзама-даймё сражались против Иэясу в битве при Сэкигахаре, лишь со временем покорились ему и впоследствии постоянно находились под подозрением бакуфу.

23

Катакана – одна из двух японских слоговых азбук.

24

Эпоха воюющих провинций (Сэнгоку дзидай) – период с конца XV по конец XVI века, в течение которого в Японии шла борьба за перераспределение феодальной власти.

25

В Японии до сих пор широко применяется система летосчисления по годам или девизам правлений императоров. Эра Ансэй началась в ноябре 1854-го и закончилась в марте 1860 года.

26

В сражении возле деревни Сэкигахара в 1600 году Иэясу Токугава разбил западную коалицию, возглавлявшуюся полководцем Мицунари Исидой, и стал фактически единоличным правителем страны. После того как в 1603 году он объявил себя сёгуном, даймё из западных земель снова объединились вокруг его противника Хидэёри Тоётоми и заняли оборону в Осаке. Длительная осада и штурм замка принесли Иэясу очередную победу, которая ознаменовала собой превращение Японии в централизованное государство.

Купить: https://tellnovel.com/ru/siba_retaro/posledniy-segun

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)